

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

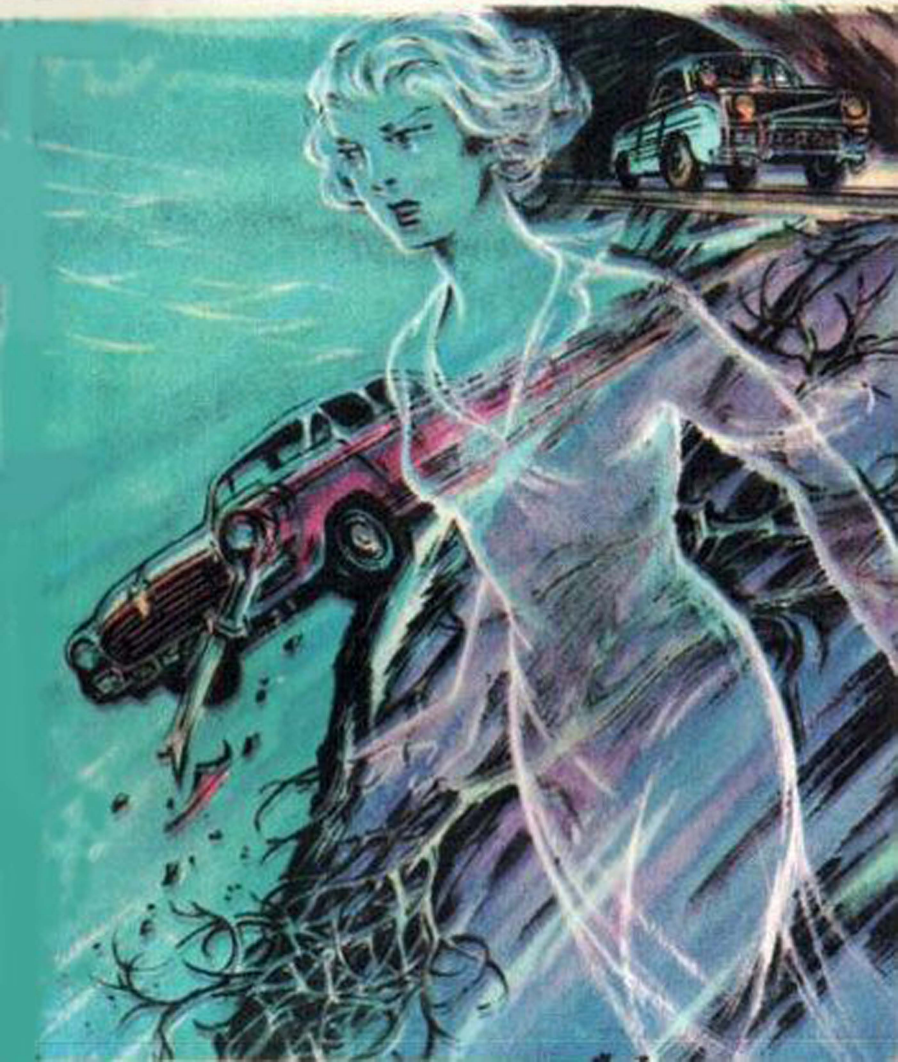
ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

1

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1982

Евгений Гудяковский

ШОРОХ ПРИВОЯ

Фантастическая повесть

Дорога вплотную прижималась к морю. Уютное урчание мотора успокаивало, притупляло внимание, почти убавляло.

Я внимательно смотрел вперед, стараясь не пропустить единственный здесь знак, оповещающий о крутом повороте, и все пытался понять, кой черт понес меня на эту дорогу. Поворот был достаточно коварен. В этом месте дорога, до сих пор идущая по самой кромке обрыва, спускалась вниз, на дно глубокого оврага. В плохую погоду, когда

ветер с моря нагонял волну, здесь вообще нельзя было проехать. Но сегодня ветер дул с берега, и я начал спуск.

Разворачиваясь на самом дне оврага, я близко увидел море. Оно лежало под дождем совершенно неподвижно, словно нарисованное на плохой картине, и казалось ненастоящим. В нем не было абсолютно ничего интересного, привлекающего внимание. Я переключил скорость и приготовился штурмовать подъем на противоположном склоне балки. И тут меня что-то остановило. Может быть, чувство неуверенности? Страх перед скользким и чрезмерно крутым подъемом? Неравномерность в работе мотора, какой-то едва различимый посторонний звук? Может быть, все это вместе? Я не знал. Просто решил остановиться и протереть стекло перед трудным подъемом.

Мотор, едва я вышел из машины, сразу же заглох, а я вместо того чтобы выяснить, что случилось с мотором, неподвижно стоял под дождем и слушал его однообразный шум.

Стоял я спиной к морю, лицом к возвышавшейся передо мной стене обрыва.

Я помню все так подробно, потому что позже десятки раз пытался восстановить этот момент в памяти до самых последних, ничтожных деталей.

Говорят, что в таких случаях многие чувствуют на своей спине посторонний взгляд. Я не верю в это. Вообще не верю в предчувствия, в предопределенность каких-то событий. Меня считают лишенным воображения, излишне рационалистичным человеком; возможно, это правда. Говорю это специально для того, чтобы дать понять, как далек я был в тот момент от какой бы то ни было мистики. Итак, я стоял лицом к обрыву. Шумел дождь. Никакие другие звуки не проникали на дно балки, отгороженной обрывами с обеих сторон. И в этот момент сзади меня кто-то прошел по дороге. Я отчетливо услышал шаги и резко обернулся. Прямо от машины вверх по дороге шла девушка. Я увидел ее спину. Легкое, не защищенное от дождя платье, вообще слишком легкое и слишком яркое для этой погоды поздней осени, промокло насквозь и прилипало к ее ногам при каждом шаге. Она шла не спеша, не оборачиваясь. В ее походке чувствовалась неуверенность или, может быть, нерешительность. Я готов был поклясться, что несколько секунд назад, когда я выходил из машины, в балке никого не было. Здесь нет ни единого места, где можно было бы затаиться, спрятаться хотя бы от дождя. Совершенно голые склоны, дорога, идущая сначала вниз, а потом круто вверх. Больше не было ничего. Поэтому меня так поразило ее появление. Я стоял неподвижно и смотрел, как она медленно, с трудом поднимается на крутой обрыв. Отойдя шагов на пять, она остановилась и обернулась. Уже с такого расстояния было трудно рассмотреть ее лицо. Постояв неподвижно с минуту, она вдруг пошла обратно. Подойдя вплотную, обошла меня так, словно я был неодоушевленным предметом, открыла дверцу и села в машину. Поскольку я продолжал неподвижно стоять под дождем, она обернулась и почти сердито спросила:

— Вы что, тут ночевать собрались?

Я молча опустился на водительское место. Она вела себя так, словно мы были знакомы много лет, словно она только минуту назад вышла из машины и вот теперь вернулась обратно. Ни обычных в таких случаях слов благодарности, просьбы подвезти или хотя бы вопроса, куда я еду. Она просто села, отряхнула свои длинные черные волосы, странно сухие и пушистые после такого проливного дождя. Точно таким жестом, войдя в помещение, отряхивается кошка или собака. В кабине сразу же возник тонкий, едва уловимый аромат, показавшийся мне знакомым. Он был острым, чуть пряным и в общем приятным. Может быть, сосредоточься я в тот момент на этом запахе, все бы обернулось иначе. Но тогда мне было не до него. Все мои мысли занимала незнакомка, и вскоре чужеродный аромат растворился в запахах бензина и масла, я совершенно перестал его ощущать.

— Почему мы стоим? — Она в первый раз посмотрела мне прямо в лицо. Впечатление было такое, словно меня окатила холодная серая волна, такими огромными, печальными были ее глаза. Я растерялся и от этого разозлился. Не хватало, чтобы мною командовали в моей собственной машине!

— Что вы тут делали одна, на этой пустынной дороге? Откуда вообще вы взялись?! — Я не мог скрыть невольной резкости тона.

Девушка нахмурилась, прикусила губу, было заметно, что она о чем-то мучительно раздумывает.

— А разве... Простите, мне показалось, именно вы... Но если это не так, я сейчас выйду.

Она потянулась к ручке, и я не стал ее останавливать. Я не верил, что она выйдет из машины под проливной дождь, зачем вообще тогда было садиться? Но она вышла. Вышла, ни на секунду не задумавшись, резко повернулась и пошла к морю. Ее почти сразу же скрыло облако водяных брызг. Мне ничего не оставалось, как выскочить вслед за ней из машины. Подумалось почему-то: опоздай я на секунду, и ее вообще бы не стало. Она бы растворилась в этом водяном тумане, бесследно исчезла.

Я догнал ее у самой воды.

— Пойдите! Ну нельзя же так! Вы совсем промокли. Простудитесь...

Я стоял под дождем и уговаривал ее вернуться. Не знаю, что ее убедило. Скорее всего мое предложение спокойно во всем разобраться. Мы вернулись в машину, и я включил отопитель, чтобы хоть немного согреться.

— В такую погоду здесь редко ходят машины, но часа два назад недалеко отсюда проходил рейсовый автобус на Каненку. Вы, наверно, ехали на нем?

Она прижала руки к вискам, и тут я заметил, что ей страшно.

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем. Может быть, позже я смогу что-то объяснить.

Мне ничего не оставалось, как снова включить мотор.

Машина взяла подъем легко, без всякого усилия. Словно под колесами лежала не раскисшая глина, а сухой асфальт. Не успел я этому удивиться, как мы были уже наверху.

Отсюда до города оставалось километров десять, не больше. Девушка молчала. Я заметил глубокую складку у нее между бровями. Казалось, она совсем забыла о моем присутствии. Что все это значило? Кого она здесь ждала? Почему села в мою машину, что означала эта незаконченная фраза: «...Простите, мне показалось, что именно вы...»? Что показалось? Что я должен был за ней приехать и остановиться в этом овраге? Вернее, не я, а кто-то другой, кого она не знала? Нет, все выглядело чрезмерно запутанным и надуманным, как в плохом детективе. Скорее всего с ней случилось что-то неприятное, она сказала первое, что пришло в голову. Наверно, ей нужно, чтобы я подвез ее до города, вот и все. Почувствовав мой взгляд, она обернулась. Теперь в ее лице не было ни напряжения, ни страха. Только печаль и усталость еще остались в уголках опущенных губ. Она была очень красива. Я заметил это сразу, еще у машины, но только сейчас, когда черты ее лица немного смягчились и вернулся легкий румянец на щеки, я понял, что недооценил ее.

Иногда встречаются женские лица, невольно заставляющие нас посмотреть на себя со стороны. У нее было именно такое лицо. Я представил, как минут через десять-двадцать она встанет и, хлопнув дверцей, навсегда уйдет из моей жизни. А я останусь, развернусь, подъеду к дому номер семнадцать. Стоянка во дворе, как всегда, окажется занятой, придется приткнуться машину у самого тротуара на улице и потом весь вечер беспокоиться, что ее борт обдерет проезжающий грузовик, как уже было однажды.

На ужин мне предлагают все тот же опостылевший салат: от макарон полнеют, котлеты на ночь вредны... Разговоров особых не будет — все уже переговорено за пятнадцать лет супружеской жизни. Может быть, я закончу статью о биоценозе. Хотя вряд ли, настроение сегодня не то. Возможно, вместе с женой мы посмотрим телевизор или читаем. Наш единственный ребенок так и не родился на свет, других не будет, и вообще ничего не будет. Ничего неожиданного, волнующего, вредного для здоровья. Нас считают очень удачной и вполне благополучной парой. У моей жены золотой характер. Мои друзья завидуют мне и говорят, что в семейной лотерее я вытянул счастливых билетов. Наверно, все это так и есть.

Мы въехали в город. Уже включили освещение. Желтые пронзительные огни ртутных ламп словно бросали вызов дождю.

— Теперь направо, пожалуйста. Мне нужно...— Она на секунду замаялась, словно не сразу решила назвать адрес.— Улица Ганона. Мой дом напротив газетного киоска сразу за углом.

Я удивленно посмотрел на нее. Эту улицу я хорошо знал и киоск тоже: не раз останавливался около него, чтобы купить газеты. Но месяца три назад его снесли, и теперь на всей улице не было газетных киосков. Ни одного.

Я сразу нашел это место. Мы завернули во двор и остановились у подъезда. Кажется, мое приключение окончилось. Я чувствовал легкое сожаление и разочарование. «Чего она медлит? Все равно ведь сейчас уйдет...» Спросить у нее номер телефона почему-то казалось мне почти неприличным.

Моя спутница явно не спешила. Она внимательно осматривала двор, мокрый подъезд соседнего дома, и вдруг вновь заметил на ее лице то самое выражение совершенно непонятного страха, которое впервые мелькнуло там, в балке...

— Может быть, вы проводите меня?..

Через минуту мы уже стояли у двери ее квартиры. Она не стала звонить. Провела рукой по притолоке, достала маленький плоский ключ, с видимым усилием повернула его и молча посторонилась, пропуская меня вперед. Из прихожей хлынула волна затхлого воздуха. Пахло какой-то плесенью, гнилью, черт знает чем. Так не пахнут жилые помещения. Я невольно попятился, за моей спиной клацнул замок. На секунду мне показалось, что я попал в западню. В прихожей было совершенно темно, я весь сжался, ожидая неведомой опасности. В квартире было абсолютно тихо, не доносилось ни единого звука, только на улице приглушенно ворчали проходившие мимо машины. Секунды исчезали в темноте, и ничего не происходило. Потом вдруг щелкнул выключатель, и в прихожей вспыхнул свет. Она стояла, прижавшись спиной к двери, и в глазах ее стоял ледяной ужас, только поэтому она, наверно, не заметила моего страха. Я услышал, как она прошептала:

— Что же это?.. Боже мой!..

Я проследил за ее взглядом. Прихожая выглядела странно, и все же я не понимал, чего она так испугалась. На всем лежал слой пыли. Из приоткрытого стенного шкафа выпала какая-то одежда и теперь валялась на полу. На шкафу, под самым бра, висел большой перекидной календарь со своей картинкой на каждый месяц. На той, что сейчас тускло поблескивала из-под слоя пыли, летали бабочки, цвели цветы...

Она уже взяла себя в руки, подошла к календарю и провела пальцем по названию месяца: слово «май» вспыхнуло на глянцевой странице ярким бликом.

— Похоже, вы давно здесь не были...

— Да... Целую вечность. — Она как-то странно посмотрела на меня. — Вы тоже промокли. Если хотите, я сварю кофе.

Кажется, она полностью пришла в себя. Мне не хотелось кофе, но я не стал отказываться. Обилие загадок начинало немного раздражать.

— Тогда пройдите на кухню и подождите минуту. Мне надо переодеться.

Она вернулась минуты через три. Одежда всегда очень сильно меняет женщину. Под строгим серым костюмом у нее был теперь тонкий черный свитер. Больше она не походила на заблудившуюся школьницу. Достав из шкафа чашки и с сомнением оглядев их, она отвернула кран, который не сразу поддавался ее усилиям, но наконец фыркнул и выплюнул в чашку порцию ржавой коричневой жижи. Несколько секунд она молча рассматривала чашку, потом выплеснула ее содержимое в раковину, повернулась и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Из моей жизни кто-то украл несколько месяцев. Мне бы очень хотелось знать, какое вы имеете к этому отношение?

Я так растерялся, что в ответ лишь пролепетал:

— Я? Почему я?

— Вчера был май, понимаете, вчера! А сегодня вы подбываете меня на пустынной дороге. И сегодня уже не май, ведь правда?

— Октябрь.

— Октябрь... А вчера был май... Находите меня именно вы.

Как ни странно, в ее вопросах была некая недоступная моему пониманию логика. Ведь почему-то же случилось так, что именно я встретил ее, и теперь уже не был так уверен в своей непричастности к тому, что сегодня был именно октябрь.

— Действительно... — Я потер лоб. — Здесь что-то не так. Но я плохо соображаю, наверно, от холода, может быть, после кофе? — Шутки не получилось. Она неодобрительно посмотрела на меня, потом заглянула в шкафчик.

— Боюсь, что кофе не будет. Нет продуктов. — Она открыла хлебницу и с отвращением, словно это была огромная живая гусеница, вынула из нее батон, покрытый длинной бахромой плесени. Мне невольно захотелось на свежий воздух.

— Я схожу в магазин. Здесь недалеко.

Она выронила батон и загородила мне дорогу.

— Нет! Вы никуда не уйдете! Не уйдете, пока не объясните мне, что произошло!

— Но я понимаю в этом меньше вас! Я встретил вас совершенно случайно, подвез, и вот теперь вы еще предъявляете какие-то претензии!

— А вчера... Где вы были вчера?

— В институте, на лекции! Потом у меня был коллоквиум, потом семинар. — Я сам не понимал, почему оправдывался с таким раздражением, почему вообще оправдывался.

— И вчера... — Она собралась с духом, прежде чем задать следующий вопрос: — Вчера тоже был октябрь?

— И вчера и позавчера! Вот уже двенадцать дней.

— Да... Это странно... Вы можете уйти, если хотите. — Она отошла в сторону, села на стул и уставилась в противоположную стену.

Я не помнил, как оказался в лифте. И только когда начал открывать дверцу машины, заметил, что у меня дрожали руки. «Итак, ты попросту решил сбежать?» — спросил я себя. Я тут же понял, что никуда не сбегу и, в какую запутанную, нелепую историю я бы ни попал, голос здравого смысла уже был надо мной не властен.

Когда я вернулся с покупками, она сидела за тем же столиком в кухне. Кажется, она не сразу заметила мое возвращение и, только когда я молча стал возиться у плиты, вдруг тяжело вздохнула, словно просыпаясь, и с отвращением посмотрела на пакеты с едой.

— Вы не могли бы обойтись без кофе?

— Конечно... Собственно, я для вас стараюсь.

— Меня мутит от одного вида пищи: какой-то странный привкус во рту.

— Так бывает, если человек наглотался морской воды. —

Я внимательно посмотрел на нее. Ваше платье было совершенно мокрым... Может быть...

— Не старайтесь понять то, что непонятно мне самой. Я очень устала. Извините, но сегодня я неважный собеседник.

Я медленно складывал в холодильник пакеты с едой, раздумывая, как мне поступить и можно ли оставить ее одну. В ее настроении, пока я ходил в магазин, произошла какая-то перемена. Теперь она выглядела раздраженной, нетерпеливой, казалось, она жалеет о том, что пригласила меня.

— У вас, наверно, есть какие-то свои планы на сегодняшний вечер?

— В общем, ничего особенного. Я хотел заехать в лабораторию, но это не спешно. Если я могу быть вам чем-то полезным...

— Нет, нет. Не хочу вам мешать. Вы и так провозились со мной целый вечер.

Она встала, всем своим видом выражая нетерпеливое ожидание, и мне ничего не осталось, как шагнуть в прихожую. Уже натягивая плащ, я все пытался ее утешить, но нужных слов не находилось, и я нес чушь о том, что провалы в памяти не такое уж редкое явление и каждый человек хоть раз в жизни теряет несколько месяцев, а иногда и лет. И вдруг она улыбнулась. Улыбка, словно вспышка света, на секунду озарила ее угрюмое, замкнутое лицо.

— Вы можете прийти завтра, если захотите. Возможно, к тому времени я разберусь в этом сама. И вот еще что... — Конец фразы она сказала мимоходом, уже отпирая дверь. Я не то, чтобы не расслышал ее последних слов, просто они скользнули мимо сознания.

Я чувствовал себя почти оглушенным событиями этого вечера. И то, что она пригласила меня завтра, казалось сейчас самым важным. Я не стал уточнять время. Ничего не хотелось уточнять. Я торопливо простился, и машина понесла меня сквозь вечерний, залитый дождем город. Пустые мокрые улицы казались странно чужими, словно я видел их в первый раз.

Настенные часы у нас на кухне пробили шесть раз. Удары гонга следовали с большими перерывами. Интервалы отрегулировали специально из-за красивого звука. Но сейчас каждая пауза казалась неоправданно долгой, и я напряженно ждал следующего удара. Шесть часов... Час назад я поставил во дворе машину, открыл дверь своей квартиры, перебрался с женой обычными, ничего не значащими фразами и сел ужинать. Впечатление было такое, словно я вернулся из какого-то иного времени и сейчас часы напомнили мне об этом... Жена заметила мое состояние. Она уже несколько раз искоса и тревожно поглядывала на меня и теперь наконец спросила:

— Что с тобой?

— Да вот промок... Немного лихорадит. Ты не обращай внимания. Я сейчас приму аспирин, лягу, и все пройдет.

В этом была доля правды, но главное — мне хотелось поскорее остаться одному. Сославшись на возможный грипп, я лег на кухне. Здесь у нас стоял топчан для приезжих гос-

тей. Прямо над ним, под потолком, раскинул свои длинные зеленые лапы ореандум сфангиника. Отросток этого редкого растения мне подарили на каком-то симпозиуме, и вот теперь он постепенно захватывал всю кухню, каждый месяц отвоевывая себе новое жизненное пространство.

Дождь усиливался. Это был какой-то вселенский потоп. Струя воды из проржавевшей водосточной трубы била прямо в окно, и, когда сквозь мутную желтоватую толщу, залившую стекло, пробивались фары проезжавших по улице машин, создавалось полное впечатление, что я нахожусь в воздушном аквариуме, а весь наружный мир давно и безвозвратно погрузился на морское дно.

Этот дождь... С него началось... Именно с него. Она села в машину, потом дорога, ее квартира... Я даже имени у нее не спросил... Интересно, почему?

Холод пробирался под одеяло, казалось, ледяные брызги проникли сквозь стекло, наполнили комнату своим мокрым, пронизывающим дыханием. Заснуть не удавалось. Я встал и, чтобы хоть немного согреться, поставил на плиту чайник.

Кофе она пить не стала... И уже на пороге, когда я уходил, она сказала мимоходом что-то важное...

Что же это было? Не вспомнить, хоть убей. Мысли назойливы возвращались к батону, покрытому бахромой плесени, к запыленному календарю. Вспоминались ничего не значащие фразы из нашего не такого уж длинного разговора, но те, последние, сказанные на пороге слова я начисто забыл. Она сказала: «Вы можете приехать завтра, если захотите...» Это оказалось настолько важным, что заслонило собой конец фразы. Сейчас я подумал, что она специально произнесла эти слова в таком сочетании, чтобы я не сразу их понял. Возможно, в них таился какой-то скрытый важный смысл, но она не хотела вопросов, не хотела ничего объяснять и вполне достигла своей цели. И тут я вспомнил... «Лаборатория!» Она просила меня не ходить сегодня в лабораторию... Сейчас, отделившись от остальных, эти слова показали мне самыми странными из всего сказанного. Какое ей дело до моей лаборатории? С чего вообще она взяла, что лаборатория имеет ко мне какое-то отношение? Кажется, я что-то такое упомянул про свою лабораторию... Или нет? Но я готов был поклясться, что никакого серьезного разговора о моей работе не было, и вдруг эта просьба... Для человека, не помнящего, где он был в течение нескольких месяцев, это, пожалуй, слишком... Почему я не должен быть в лаборатории именно сегодня?

Теперь наша встреча не казалась мне такой уж случайной. Похоже было, что кому-то все это нужно. Но я не занимался никакими секретными работами. Наша «Альфа» совершенно открытая тема по микробиологии...

Я подошел к окну, еще не решив, как поступить. Все дело в том, что, если я не ошибся, если кого-нибудь до такой степени могли заинтересовать наши исследования, значит, в них был смысл, неясный пока еще мне самому. Какой? На этот вопрос не было ответа.

Восемь лет назад, просматривая научный информационный

бюллетень, я наткнулся на статью, посвященную вопросу накопления генетической информации в клетках. Из нее следовало, что никакими мутациями, никакими известными нам процессами нельзя объяснить тот скачкообразный, качественно новый переход, в результате которого одноклеточные простейшие организмы объединились в многоклеточные системы с раздельными функциями органов. Информация только об этой специализации на несколько порядков сложности превышала все, что раньше было закодировано в генах простейших одноклеточных существ. Таких скачков в процессе развития жизни на Земле было несколько, и каждый раз они представляли собой необъяснимую загадку. Но самым невероятным, самым необъяснимым был тот первый скачок... Вот тогда и возникла у меня, в сущности, не такая уж сложная мысль, определившая круг моих интересов: что, если вывести совсем простейший штамм одноклеточных микроорганизмов, похожий на тех первых древнейших существ, давших начало жизни, а потом, изменяя условия среды, заставить их объединиться в колонию?

Не мне первому пришла эта мысль, не я первый проводил подобные опыты... Но у меня была одна идея, ради которой стоило попробовать все еще раз. Я не верил в то, что стадо обезьян, бесконечно долго ударяя по клавишам машинки, в конце концов напечатает Британскую энциклопедию. Верилось в другое: что генетическая информация такой сложности должна была существовать где-то во внешней среде в готовом виде. Возможно, именно она многие миллионы лет назад заставила простейшие организмы объединиться в колонии. Стоило поискать, каким образом можно вводить в клетку такую вот готовую закодированную информацию. Стоило доказать возможность такого ввода информации извне, хотя бы в принципе. Именно этим я и занимался в своей лаборатории вот уже четвертый год. Совсем недавно наметились первые успехи в исследовании, которые до сих пор казались мне нашим внутренним, частным делом. И вдруг выяснилось, что они интересуют кого-то еще. «По-моему, вам не стоит ходить сегодня в лабораторию...» — именно это она и сказала. Сейчас я совершенно отчетливо вспомнил ее слова. Можно было не сомневаться, что, как только до меня дойдет смысл этой фразы, я сразу же помчусь туда. Но я почему-то не мчался. Вместо этого я стоял на кухне, прислонившись к холодному стеклу, и смотрел, как потоки воды за стеклом заливают весь мир.

Слишком много настоящего недоумения, самого обыкновенного страха было в ее поведении. Ни одна самая лучшая актриса не смогла бы, наверно, так сыграть. Что-то здесь было другое. Что-то такое, чего я не мог пока объяснить, но, во всяком случае, гораздо более сложное, чем хорошо организованный розыгрыш. Я не хотел делать то, чего от меня ожидали, не хотел ехать в лабораторию и стоял у окна, не зная, на что решиться. В конце концов, что там могло произойти без меня? Похищение научных материалов? Институт охраняется, к тому же там сейчас работает Артам, он всегда работает за полночь, и я вполне могу ему позвонить...

Я бросился к телефону. Три долгих гудка, потом кто-то снял трубку. Я слышал только тяжелое дыхание. Ни привычного «алло», ничего, кроме этого дыхания. Я тоже молчал, наверно, с минуту. Мне казалось, что если я задам вопрос, разобью это стеклянное молчание, то случится что-то ужасное, необратимое. Наконец я не выдержал: «Артам, это ты?» Никакого ответа, на том конце повесили трубку, и короткие резкие гудки ударили мне в ухо. Больше я не стал раздумывать. В лаборатории был кто-то посторонний.

Наверно, я выглядел не совсем нормально, когда весь мокрый, с плащом в руках ворвался в вестибюль института.

— Доктор Лонгаров! Что случилось?

У меня не было времени на объяснения с дежурным, мне нужен был ключ от лаборатории, но оказалось, что Артам еще не уходил. Я бежал по лестнице через ступеньку, с трудом справляясь с одышкой. Следом, немного поотстав, бежал дежурный. Представляю, как это выглядело со стороны, когда мы ворвались в лабораторию. Артам поднялся из-за стола и оторопело уставился на нас.

— У вас все в порядке?

— Насколько я понимаю... Как будто ничего... А что, собственно, случилось?

Жестом руки я попытался дать понять дежурному, что он свободен. Предстоящий разговор не был предназначен для посторонних ушей. Но избавиться от старика было теперь не так-то просто, он с интересом ждал продолжения. Мне пришлось проводить его до лестницы. Наконец мы остались одни.

— Почему ты не ответил на звонок?

— Какой звонок?

— Я дважды набирал номер! Один раз никто не снял трубку, а потом ты не соизволил ответить!

— Не было никаких звонков! Я не выходил ни на минуту! Может, телефон испортился?

— Телефон? С чего бы это?

Я направился к желтому аппарату, который стоял на моем столе и служил нам безотказно который уж год, и в это время он зазвонил. Бросив уничтожающий взгляд на Артама, я снял трубку. Что-то меня заставило не спешить с ответом. Мне хотелось, чтобы тот, кто позвонил в лабораторию в столь неурочный час, первым нарушил молчание. Дыхание на другом конце провода было явно мужским, тяжелым и вроде бы встревоженным, я уже собирался прервать чрезмерно затянувшееся молчание, как вдруг голос в трубке взволнованно спросил: «Артам, это ты?» Голос был незнакомым, но что-то в его тоне поразило меня до такой степени, что я молча положил трубку. Если я ошибался, если мои домыслы сплошная чепуха, то аппарат сейчас зазвонит снова. Я смотрел на телефон с надеждой, почти с отчаяньем, Медленно текли минуты. Звонка не было.

— Да что с вами, шеф, на вас лица нет!

Я провел рукой по лбу, отирая холодный пот, и присел на краешек табуретки.

— Похоже, я только что звонил сам тебе. — Я указал на

телефон. — Там, на том конце провода... те же интонации, те же слова... Я произнес их час назад, прежде чем выехал к тебе.

— Это могло быть простым совпадением.

— Нет... Как бы тебе объяснить... Понимаешь, интонации, паузы между словами, судорожный глоток воздуха... Словом, я узнал свой голос.

— Меньше всего вы мне кажется подходящим объектом для подобного мистического розыгрыша. Давайте начистоту, шеф. Что произошло? Что предшествовало этому таинственному звонку и что заставило вас в полночь примчаться в лабораторию?

— Вряд ли я сумею рассказать тебе все... Да это и не нужно, поскольку значение имеют всего два-три конкретных факта. Во-первых, незнакомый человек попросил меня сегодня не ходить в лабораторию, попросил скорее всего для того, чтобы добиться обратного, заставить меня здесь обучиться... Когда же я все-таки не поехал и решил вместо этого позвонить... Ну, что из этого получилось, ты уже знаешь. И вот я здесь.

— Да, все это достаточно странно, но больше всего меня удивляют не методы, а цель, которую преследовали. Для чего-то было нужно, чтобы вы пришли в лабораторию именно сегодня? Ведь завтра вы бы здесь оказались без всяких усилий с их стороны.

Я мрачно усмехнулся.

— Думаю, события не заставят себя ждать слишком долго. У меня такое ощущение, что все происшедшее лишь интермедия к главному действию. Подождем. А раз уж я все равно оказался здесь, не стоит терять времени зря.

Я потянулся к лабораторному журналу. Открыл последнюю страницу. Вот вчерашние записи: целые две страницы, заполненные ровным почерком Гвельтова. Он работал намного больше меня, и мне казалось это вполне справедливым, потому что и сам я, будучи ассистентом на кафедре Малеева, в поте лица трудился над диссертацией шефа. Правда, тогда насчет справедливости я думал несколько иначе. Но зато наша работа не имела к моей диссертации никакого отношения, и если вдруг нам удастся добиться успеха, то диссертаций тут хватит на всех. Механически перелистывая записи последних анализов, я искоса поглядывал на Артама и думал о том, что, в сущности, мало знаю своего ближайшего помощника. Худощав, зарос всклокоченной, неопрятной бородой, халат в нескольких местах прожжен кислотой и не заштопан. Зато в работе предельно аккуратен. Появятся заботливые женские руки, изменится и внешность, за этим дело не станет. Успеха — вот чего нам действительно не хватает. Успех — это новое оборудование, большая свобода в выборе тематики, увеличенный штат... Но до успеха пока еще далеко...

Наша задача состояла в том, чтобы соединить генетический аппарат чужих клеток с нашей «Альфой». «Альфа» охотно пожирала приготовленные для нее пакеты с чужими генами, усваивала сотни различных комбинаций ДНК, РНК ядер и хромосом чужих клеток, и... ничего не происходило. То есть ка-

кие-то изменения были — увеличился объем клетки, темп размножения. Несомненно, какая-то часть предлагаемого генетического аппарата посторонних клеток ею усваивалась, но все это было далеко от того, что мы искали. Наследственность «Альфы» продолжала доминировать надо всем. Нам же надо было использовать ее как строительный материал для качественно нового организма... Приходилось признать, что последний год мы не продвинулись ни на шаг.

Я отложил журнал и раздраженно заходил по лаборатории. Как обычно, мысли, связанные с работой, полностью овладели мной, вытеснив все постороннее, не имеющее отношения к делу. Я искал выхода из тупика, в который мы попали. Лучше всего думается, когда руки заняты какой-то механической работой. Я подошел к столу и стал разбирать образовавшиеся там завалы. Я не позволяю никому прикасаться к своему столу, и за последние две недели на нем накопилась гора колб, пробирок, печатных проспектов. Я начал подбирать весь этот хлам, механически сортировать его по группам, что-то выбрасывая в мусорную корзинку. Когда подошла очередь колб со старыми, отслужившими свой век реактивами и пробами, я механически стал снимать их одну за другой, рассматривая на свет, взбалтывая и затем медленно выливал в водопроводную раковину. Вдруг содержимое одной из колб привлекло мое внимание... Я взял эту колбу с четкой этикеткой, на которой был написан номер 130, взболтал и вместо того, чтобы вслед за предыдущими отправить ее содержимое в канализацию, понес зачем-то к столику, на котором стоял микроскоп. Я читал, конечно, о том, что многие великие открытия были сделаны совершенно случайно, но до сегодняшнего дня относился к этому с известной долей скептицизма. Все так же механически, не задумываясь над тем, для чего я это делаю, я нанес каплю содержимого колбы на предметное стекло микроскопа. Картина, увиденная в окуляре микроскопа, заставила меня отпрянуть и позвать Гвельтова.

— Посмотри. Может быть, мне показалось... — Я не суевен, но все же, боясь отпугнуть удачу, отвернулся, пока Артам крутил ручку настройки. Его сдавленное: «Не может быть» — заставило меня вновь броситься к микроскопу. Да, это были, несомненно, они: четыре крупных розоватых шарика — бласпор в окуляре микроскопа не оставляли никаких сомнений. Наша «Альфа», наша одноклеточная «Альфа» наконец-то дала потомство в виде многоклеточного организма, усвоив для этого чужую генетическую информацию... Вот только какую? Я схватил лабораторный журнал и стал лихорадочно искать запись под номером сто тридцать. Общие графы, это все не то... Ага, вот, пакеты с генами червя балезуса... двадцатая серия... Мы повторяли этот опыт с генами червя балезуса сотни раз в двадцати различных сериях, все они были неудачны, что же нового в пробе сто тридцать? В графе примечаний короткая запись, сделанная две недели назад: «Проверка воздействия среды». Я сразу же вспомнил, что сюда добавлялась морская вода. Это проделывалось неоднократно. В шести сериях использовалась вода различного солевого состава.

Но только в сто тридцатой пробе через две недели неужи-

данно получился положительный результат. Что же это была за вода? Откуда? У нас нет, конечно, ее анализа. Если делать анализ для каждого опыта, не хватит никакого времени, чтобы закончить исследование. Но в журнале отбора проб должно быть зафиксировано место, откуда взята вода для этого сто тридцатого опыта. Что-то в ней было, в этой воде, что-то необычное, что-то такое, что позволило «Альфе» развиваться по чужой генетической программе. Только в том случае, если нам удастся выяснить, что именно там было, можно считать, что мы действительно добились успеха. Пока это всего лишь счастливый случай, не более, призрачный свет большой удачи... Ее еще нужно поймать... Я схватил серую клеенчатую тетрадку. «Журнал отбора проб» — было выведено на ее обложке ровным почерком Гвельтова.

И я нашел ее на шестой странице. Там шло четкое описание места отбора пробы, с точной привязкой к портовому бую, но, прежде чем я успел почитать колонки нужных мне цифр, тихо скрипнула входная дверь. Я поднял голову от журнала и с удивлением уставился на вошедшего. На пороге стоял руководитель нашего отделения профессор Мишурин.

— Поздновато работаете, доктор Лонгаров. Мешаете техникам, вахтерам, уборщицам, нарушаете распорядок института, подаете дурной пример аспирантам!..

Несколько секунд я оторопело смотрел на Мишурина, стараясь понять, что ему понадобилось в нашей лаборатории. Мишурин воплощал для меня тип людей, которым в науке делать совершенно нечего. Мне казалось, что даже администраторы обязаны хоть что-то понимать в деле, которым они пытались руководить. О Мишурине этого не скажешь. Внешне он чем-то напоминал мне стальной шар. Может быть, своей непробиваемой круглостью. Его невозможно было разгрызть или проломить. Его стальная обтекаемая поверхность неизменно отбрасывала тебя с дороги куда-то в сторону.

— Я присил вас подготовить отчет о завершении темы по «Альфе». Где он? И чем вы вообще занимаетесь?

Он шагнул к столу, бесцеремонно взял у меня из рук журнал проб и сунул его под мышку. Быстро прошел мимо термостата, заглянул в записи Артама и исчез. И только когда дверь за ним захлопнулась, я сообразил, как странно все это выглядит. Какого дьявола Мишурин делал в институте в час ночи? Почему вдруг нагрязнул в нашу лабораторию? Обычно он вызывал сотрудников в свой кабинет и заставлял дожидаться аудиенции по полчаса... Все эти вопросы промелькнули у меня в голове, и только после этого до меня наконец дошло главное: Мишурин унес с собой бесценный теперь журнал... Я бросился к двери. Гвельтов не отставал от меня. На лестнице было пусто. При своей грузности Мишурин вряд ли успел уйти слишком далеко. Мы остановились на секунду, прислушиваясь. Внизу, в вестибюле, хлопнула дверь... Дежурный подтвердил, что профессор только что вышел...

— А что, собственно, случилось? Он же в отпуске.

— Кто в отпуске? — на ходу спросил я. — Мишурин?

— Ну да, уже неделю...

И тут я вспомнил, что это так и есть. Вчера я безуспешно

пытался оставить на подпись докладную у его секретарши... Быстрее, Артам! Здесь что-то неладно!

Мы бросились во двор. Квадратная спина в клетчатом плаще мелькнула перед нами.

— Силвестр Танович! — крикнул я. Мишурин обернулся и вдруг припустился по дорожке бегом. Нелепо видеть, как от тебя убегает твой собственный начальник, воплощение административного высокомерия и важности. На секунду я остался в растерянности. Артам дернул меня за рукав.

— Скорее, у него внизу машина!

Мы пронеслись по дорожке вниз до самых ворот, со всей скоростью, на какую были способны, и увидели, как за Мишуриным захлопнулась дверца его черного «вольво». Водителя не было, он сам сел за руль... Взревел мотор, и вдруг, ломая кусты, машина прыгнула нам навстречу. Я успел отшвырнуть Гвельтова в сторону, и от этого толчка сам каким-то чудом избежал удара сверкающего бампера. Расшвыривая вырванные с корнями кусты, «вольво» развернулся, как танк, и снова понесся к нам по пешеходной дорожке. Но теперь нас защищал высокий каменный бордюр. Машина промчалась мимо, к воротам. До них было метров сто, и, к счастью, они оказались закрыты.

«Вольво» встал и вновь у меня перед глазами мелькнул клетчатый плащ. Он открывал замок... Гвельтов рванулся к воротам, я едва успел задержать его.

— Подожди. За углом у меня машина...

Пока я заводил мотор и объезжал здание института, «вольво» у ворот уже не было. Я хорошо знал эту часть города: успел заметить, что «вольво» свернул именно в нее. Это давало нам шанс... Я остановил машину так, чтобы ее полностью скрыло угловое здание. Потом выключил фары и отпустил газ. Мотор теперь работал едва слышно.

— Он обязательно вернется. Там нет ни одного поворота, в конце тупик.

— Тогда давай перекроем дорогу!

— Бесполезно. Его машина тяжелее. Она собьет нас и уйдет, зато в скорости мы ему не уступим.

— Что же это такое, как он мог? Ведь это же...

Я чувствовал, что Артама колотит нервная дрожь. Но сам почему-то не испытывал ни малейшего волнения, только холодную ярость. Минуту назад нас пытались убить. В этом не было никакого сомнения. И еще: сегодня меня предупреждали, чтобы я не приходил в лабораторию... Дважды за один день я оказался втянутым в события, плохо объяснимые с точки зрения нормальной логики. И у меня сейчас не было ни малейшего желания в них разбираться. Одно я знал совершенно точно: больше я не позволю превращать себя в пешку в чужой, непонятной игре.

Я услышал шум мотора «вольво» за несколько секунд до того, как он выскочил из-за угла, и успел приготовиться. Это дало мне возможность сразу же повиснуть у нее на хвосте. Я вел машину очень осторожно и выдерживал дистанцию, все время ожидая со стороны своего противника какой-ни-

будь каверзы. Первые километры Мишурин ехал спокойно, пока не понял, что мы его преследуем. Потом резко, до предела увеличил скорость. Шел третий час ночи, город словно вымер. На его пустынных, залитых дождем улицах не было ни души. Стрелка спидометра подрагивала уже возле отметки сто двадцать. Мне пришлось еще больше увеличить дистанцию, при такой скорости на мокром асфальте ничего не стоило потерять контроль над машиной. «Вольво» Мишурина сливался с асфальтом. Фары он выключил, и, чтобы не прозевать неожиданный маневр, я включил дальний свет. Видимо, отражение наших фар в зеркале ослепило Мишурина, потому что он занервничал. «Вольво» шел теперь неровно, его бросало из стороны в сторону, фонтаны из-под колес летели в стены домов, водяные брызги и грязь забивали мне смотровое стекло, щетки с трудом справлялись, обзор ограничился, пришлось еще дальше отпустить Мишурина, и он, воспользовавшись этим, резко свернул в боковую улочку. Водитель я не ахти какой, хотя в данных обстоятельствах вряд ли кто-нибудь сумел бы сделать больше. Я несколько погасил скорость перед поворотом, но на мокром асфальте нас все же занесло и буквально швырнуло в переулок. Я слышал, что опытные гонщики срезают угол и проходят поворот вот так, на заносе; я не был гонщиком, а фонарный столб оказался слишком близко к проезжей части. Удар, характерный скрежет металла, свидетельствующий о том, что нас здорово зацепило, звон разбитого стекла... Правая фара погасла, но машина, виляя, уже неслась по переулку, мы все-таки прошли поворот, удар оказался скользким. При других обстоятельствах я бы остановился, но теперь мысль не упустить Мишурина погнала нас дальше. Только бы выдержала правая передняя крышка, принявшая на себя основной удар и отбросившая машину от столба. Если она не выдержит на такой скорости... Не хотелось думать о том, что тогда станет с машиной и с нами.

На повороте Мишурин оторвался от нас метров на двести, но теперь мы его снова нагнали. Мотор «вольво» ревел свирепо, с натугой. Такие нагрузки его старой машине были явно не по плечу. Увлечись погоней, я приблизился к «вольво» чуть больше, чем следовало, и Мишурин сразу же резко затормозил, надеясь, что мы врежемся ему в багажник. Если бы это случилось, более твердый, «вольвовский» кузов разбил бы нам двигатель. Но наши тормоза сделали свое дело, и мы остановились в двух метрах позади него.

Прошла минута-другая. Ничего не происходило. Машина Мишурина стояла неподвижно. Слышно было, как кашляет на холостых оборотах ее двигатель.

— А что, если попробовать перескочить в его машину? Дверь наверняка не заперта, он слишком спешил...

— Не успеешь. Он просто двинет дальше, и мне придется гнаться одному. Подождем. Посмотрим, у кого раньше сдадут нервы.

— Зачем мы вообще за ним гонимся? — почему-то шепотом спросил Артам, словно Мишурин мог нас услышать. — Где он живет, мы и так знаем, машину вот разбили, да и вооб-

ще... Ну, придет он, войдет в квартиру, что дальше-то делать, дверь, что ли, ломать будем?

— В квартиру мы ему войти не дадим. Главное — вернуть журнал. Не зря все это затеяно и не так просто, как кажется. Мы еще разберемся во всем, не беспокойся. Сейчас главное — журнал. Слишком многое зависит от этих проб, вот в чем дело...

— Думаешь, он этого не знает?

Я только зло усмехнулся.

— Ну а если знает, не такой уж он дурак, чтобы дать нам перехватить себя по дороге к дому, он найдет способ от нас отделаться.

— Ладно, посмотрим. — Артам замолчал и сидел теперь съехившись, потирая ушибленное при ударе плечо. Ожидание становилось тягостным. Казалось, мы стоим в вымершем, пустом городе целую вечность... Хотя бы один прохожий, намек на какое-то движение... Ничего... Обычно в этом районе города даже ночью не бывает так пустынно... Я внимательно всмотрелся в окружавшие нас здания... Это была Дерковская. Она вела прямо на Приморский бульвар. Неудивительно, что он остановился. Это опять тупик. За бульваром набережная и дальше обрыв.

Наконец «вольво» осторожно, как большая черная кошка, двинулся вперед. Я выждал несколько секунд и тронулся следом. Теперь мы ехали очень медленно. Казалось, Мишурич все еще не решил, что предпринять... Набережная была совсем близко, до нее оставалось метров двести, не больше, когда «вольво» вновь рывком увеличил скорость. Теперь время измерялось уже на доли секунды, Мишурич не зря тащился так медленно и не зря сделал этот неожиданный рывок. Если теперь я не успею выскочить на набережную прежде, чем он развернется, таранного удара не избежать... Но, к моему удивлению, «вольво» не стал разворачиваться... Совершенно рефлекторно я до отказа нажал на тормоза, и вовремя. Вслед за «вольво» мы вылетели на набережную. Теперь от обрыва нас отделяла совсем узкая асфальтированная полоска. Как в замедленной киносъемке, я видел, что передние колеса «вольво» уже вращаются в пустоте. Потом корпус машины накрепился, и она исчезла в черном провале.

Только теперь до моего сознания дошел весь смысл происшедшего. Нас еще несло вперед. Визжали тормоза. Перед самым обрывом машина остановилась. И лишь после этого мы услышали внизу тяжелый всплеск. Я развернул машину, подвел ее к обрыву. Единственная наша фара выхватывала из темноты порядочный кусок поверхности тяжелой черной воды. По ней бжала только мелкая рябь да клочки белой пены. Больше ничего не было видно.

Мы одновременно выскочили из машины и теперь молча смотрели вниз...

— Может быть, успеем? — спросил Гвельтов. — Если вытащить его из машины и откачать, может быть, успеем?

Я отрицательно покачал головой.

— Здесь глубина метров двадцать. Не донырнуть. Пойди позвони в полицию. Я останусь здесь.

Каждая вещь оставляет в человеке какой-то след. Веста надеялась, что вещи помогут ей все вспомнить. И хотя знала, что путь, который предстояло пройти по коридорам собственной памяти, не принесет ей ничего хорошего, упрямо продолжала поиски.

Медленно, словно каждое ее движение сковывала ледяная толща воды, Веста открыла средний ящик стола. Где-то в подсознании родилось предчувствие того, что самое нужное лежит именно здесь.

В ящике, на самом виду, валялись мелкие, отжившие свой век предметы, которые ей ничего не говорили: катушка ниток, флакон из-под духов, пустой и настолько старый, что даже запахи не сохранился. Сумочка со сломанным замком. И вот наконец на самом дне, подо всем этим хламом, картонная коробка, перевязанная ленточкой. Еще не зная, что там, она почувствовала, как сильно забилося сердце. Она не решилась сразу же открыть коробку. Может быть, ей мешало сознание того, что цена окажется непомерно высокой. Стиснув зубы, она дернула ленту. Узел затянулся намертво, и вдруг рука, словно обладавшая собственной, отдельной от нее памятью, протянулась к левому ящику, достала лежавшие там ножницы и перерезала ленту. Но и после этого Веста не спешила открывать крышку. Возможно, самым разумным в ее положении было бы обратиться к врачу. Но что в конце концов сможет сделать для нее врач? Объяснить то, чего она сама не понимает? Успокоить? Прописать какие-нибудь пустяковые порошки? Разве можно порошком вернуть пропавшие месяцы? Ей придется все вспоминать самой. Никто не поможет.

«Меня зовут Веста. Веста! Пока только это. Но будет и остальное». Она медленно открыла коробку. В ней лежали открытки, написанные незнакомым почерком. Какой-то чужой человек поздравлял с праздником, просил о встрече. Его имя ничего не напоминало. Это было не то, совсем не то... Тогда она перевернула коробку. На самом дне притаились старые, пожелтевшие фотографии. Она взяла всю стопку и неторопливо, методично, словно пасьянс, начала раскладывать их. Первое же фото маленькой девочки с гимназическим ранцем за плечами вызвало в ней болезненный толчок и такое ощущение, словно невидимый киномеханик запустил наконец проектор. Она бежала в гимназию первый раз в жизни. Было радостно и немного страшно. Дома ждала мама... Веста задумчиво потерла лоб. Образы прошлого, встававшие перед ее глазами, казались неестественно четкими, словно она смотрела на экране телевизора чью-то чужую жизнь.

Похороны. Гроб отца, укрытый черной материей. Ей не хватает воздуха, хочется выбежать, крикнуть, но она стоит неподвижно, и ни одной слезинки в глазах...

Впервые в жизни на ней надето взрослое платье... Это после того, как она сдала вступительные экзамены на курсы переводчиков.

Ей не хочется продолжать. Почему бы не начать с нуля, с сегодняшнего дня? Все заново и с самого начала? Нельзя! Человек без прошлого — мертвец. И потом... она не узнает самого главного... Кто и зачем проделал с ней эту страшную

штуку?.. Кому-то это понадобилось?.. Если бы знать... Как они это сделали? Зачем?..

Стоп! — остановила она себя, так нельзя, нужно идти медленно, шаг за шагом. Только тогда она сможет разбудить память и вернуть ощущение собственной личности. Пока ей оставили лишь имя... Только имя.

Совершенно не хочется есть, даже мысль о пище вызывает отвращение, а ведь с того момента, как она вышла из машины, прошло уже не меньше шести часов... «Меня зовут Веста». Рука вновь тянется к коробке с фотографиями. Группа девушек у здания общежития... Здесь она жила. Почему в общежитии, почему не дома? Вот еще одно фото. Мама рядом с чужим человеком, властно держащим ее под руку... Вот и ответ... Отчим. Как его звали? И почему она думает о нем в прошедшем времени? Нет, не вспомнить... Вместо его лица перед глазами пляшут какие-то светлячки, и очень хочется пить, во рту все пересохло.

Она встает, идет на кухню и открывает кран. Долго-долго стоит перед ним неподвижно и смотрит, как струя коричневой жижи постепенно превращается в воду. стакан, второй, третий — ей все мало. Странная, ненасытная жадность... Вода притягивает. Ей хочется не только пить. Хочется смочить пересохшую кожу, окунуть в воду лицо, волосы. В квартире есть душ... Это было первое, что она вспомнила сама, без подсказки. И почувствовала радость от своего небольшого открытия.

Пройдя в ванну, она разделась нарочито неторопливо, стараясь унять поразившую ее дрожь нетерпения. Кожа на ощупь показалась сухой и горячей. Ощущение было такое, словно она провела рукой по чему-то чужому, не имеющему к ней ни малейшего отношения. Слишком сильный напор водяных струй слегка оглушил ее. Хотя вода оказалась холодной, ей так и не пришло в голову отвернуть другой кран. Она стояла под ледяными струями совершенно неподвижно, закрыв глаза, и только жадно хватала губами водяные брызги, словно все еще не могла напиться. Неестественное, никогда раньше не испытанное наслаждение пронзило каждую клеточку тела и буквально парализовало ее. Постепенно и очень медленно к ней возвращалось ощущение собственного тела. При этом она обнаружила новую, неизвестную ей раньше возможность мысленно путешествовать внутри себя. Сознание перемещалось от мышцы к мышце. Она ощутила упругость своих легких, горячий узел солнечного сплетения. Чувствовала толчки теплой крови, разносящей по телу заряд животворной энергии, и легкое покалывание под правой коленкой, где у нее был широкий шрам, оставшийся от гвоздя, на который она упала в детстве. Вот и еще одно собственное воспоминание. Память начинает просыпаться.

Веста опустила руку, привычным жестом погладила коленку. И, вздрогнув, замерла в неестественном, согнутом положении. Под пальцами она ощутила гладкую поверхность неповрежденной кожи. Она бросилась из ванной к окну. Шрама не было. Кожа отсвечивала матовой, ровной белизной. Чудовищная мысль о том, что ее втиснули в чье-то чужое тело, потрясла ее. Но уже секундой позже в голову пришло более

правдоподобное объяснение. Скорее всего ей подменили не тело, а память. И все эти фотографии, все эти картинки детства, умерший отец, гимназия и сам шрам — все это ей не принадлежит. Воспоминание насильственно втиснуто в ее сознание чьей-то чужой волей. И в конце концов она вернулась к тому, с чего начинала сегодняшний день. К полному нулю. К необходимости начинать все заново. Одно она знала твердо: ее ничто не остановит и не запугает.

* * *

— Итак, вы утверждаете, что ваши машины не сталкивались? Полицейский инспектор Ивестер пододвинул к себе протокол допроса, посмотрел на просвет прозрачную шариковую ручку, словно проверял, много ли в ней еще осталось пасты, поудобней устроился на жестком исцарапанном стуле и всем своим видом изобразил готовность записать мой очередной ответ. Это продолжалось второй час. Я чувствовал в голове пульсирующую тяжесть. Обычную после бессонной ночи. Судя по жидкой полоске света, пробившейся сквозь занавешенное окно, утро уже наступило. Часа четыре мы прождали у обрыва, пока прибыла полиция. Потом они вызвали плавучий кран, водолазов... До сих пор у меня перед глазами стояла картина ночной набережной. Картина казалась слишком вычурной, неправдоподобной, словно нарисованной плохим художником. Кусок ослепительно белой под лучами прожекторов набережной, человек восемь усталых, продрогших людей, ржавая лебедка крана, медленно со скрипом тянувшая канат, и плотная непробиваемая темнота окружающего пространства, из которой медленно и неустанно летели сверкающие брызги дождя.

Машина стала видна еще до того, как лебедка вырвала ее из воды. Она напоминала какую-то гигантскую хищную рыбу, заглотнувшую конец каната с наживкой.

Когда корпус машины приподнялся над поверхностью моря, из всех щелей длинными белыми струями полилась вода. Теперь машина, висевшая в перекрестье прожекторных лучей, походила на хорошо освещенный аквариум. Уровень жидкости в нем постепенно понижался. Мне казалось невыносимым увидеть то, что должно было остаться на его дне. Только услышав удивленные возгласы, я вновь глянул на машину.

Кран развернулся и осторожно опустил ее на набережную. Последние темные лужи растекались под колесами, ослепительно сверкал никель бампера и совершенно целые стекла салона.

Я не сразу понял, что так удивило стоявших вокруг людей. Преодолев внутреннее сопротивление, я наконец заглянул внутрь салона. Он был пуст, совершенно пуст...

— Вы собираетесь отвечать? — спросил инспектор, и я с минуту еще молчал, пытаясь вспомнить, о чем он меня только что спрашивал. Ах да, столкновение...

— Нет, столкновения не было. Крыло и фара повреждены от удара о столб. Это можно проверить.

— Мы и проверим, не беспокойтесь. Но на «вольво» тоже

есть следы удара. У него смята левая часть багажника, сорван задний бампер.

— Возможно, зацепил во время падения.

— Возможно. Но куда все-таки девался водитель? Двери салона остались закрытыми. Если ему удалось выбраться после падения, вряд ли он стал бы закрывать за собой дверь.

— Логично, — одобрил я. Инспектор посмотрел на меня с раздражением.

— Но ведь именно вы остались на набережной, пока ваш сотрудник, как его... — Он заглянул в протокол. — Пока Гвельтов ходил звонить, никуда не отлучались, и вы продолжаете утверждать, что за это время никто, не замеченный вами, не мог подняться на набережную?

— Фара хорошо освещала эту часть берега. Нет, там никто не поднимался.

— Получается, что «вольво» сам собой без водителя нырнул в море или, может быть, водитель растворился?

— Ерунда получается.

— Вот именно, ерунда. Может быть, в конце концов вы расскажете, как все произошло на самом деле? Нет? Ну, тогда я вам расскажу. Вы случайно в темноте задели стоявшую на набережной машину. От удара она упала в море.

Я одобрительно посмотрел на него. В логике ему не откажешь. Я дьявольски устал в эту ночь. Если бы у меня так дико не болела голова, я бы, возможно, нашел выход из этой дурацкой истории. Хотя инспектора тоже можно понять: все происшедшее выглядело чудовищно нелепо. Однако в нагромождении нелепостей и странностей была какая-то своя логика, ускользающая от меня мысль... Если бы я мог хорошо выспаться и потом на свежую голову все как следует обдумать, может быть, я бы понял, в чем дело. Но для этого необходимо сначала избавиться от Ивестера. А судя по началу нашего знакомства, это будет непросто.

Инспектор нам попался вездливый и на редкость упрямый. Допрашивал он нас с Гвельтовым отдельно по второму разу. Все искал несоответствия и логические провалы в наших показаниях. Их было сколько угодно. И к утру он окончательно поверил в то, что имеет дело с двумя отпетыми авантюристами, а может быть, и преступниками. Благо документов у нас с собой не оказалось и для выяснения наших личностей все равно пришлось ждать утра. Так что ночь дежурства у Ивестера прошла нескучно. Пока появилось начальство, пока звонили в институт — прошло еще часа два. Отпустили нас только в десять утра, после того как выяснилось, что Мишурин жив и здоров, благополучно отдыхает в санатории, из которого за последние два дня никуда не отлучался... Получилось, что мы с Гвельтовым угнали у уважаемого человека, доктора наук, его машину и в хулиганском разгуле сбросили ее с обрыва в море...

К сожалению, все это было не так смешно, как могло показаться со стороны. И то, что в лабораторию приходил не Мишурин, хоть и запутало все еще больше, лично для меня немало и проясняло. Это хорошо укладывалось в смутное подозрение, которое я упорно гнал от себя прочь, твердо ре-

шив заняться им вплотную только после того, как выплусь. Самым же неприятным и, увы, непоправимым во всей этой истории было бесследное исчезновение нашего журнала.

Я давил на кнопку звонка долго, слишком долго, и ни на что уже не надеялся, когда дверь вдруг бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге в спортивных джинсах и легкой голубой блузке. Казалось, одежда не имеет к ней ни малейшего отношения, так откровенно подчеркивала и передавала она линии ее тела.

— Входите. Я ждала вас.

Очередная нелепость. Час назад я сам еще не знал, что, проснувшись, первым делом брошусь сюда в полной уверенности, что никого не застану в пустой захламленной квартире, готовый поверить, что и самой встречи не было, что мне все приснилось, привиделось. Наваждение? Возможно.

Я переступил порог. Прихожая была тщательно убрана. Календарь исчез. Выцветшее пятно на обоях прикрывала пестрая дорожка. Я не стал задерживать на ней взгляд, стараясь ничем не выдать своего интереса к исчезнувшему календарю. Эта женщина обладала сверхъестественным чутьем. Я бы не удивился, если бы узнал, что она читает мои мысли.

Разговор долго не клеился, я все никак не мог решиться выложить ей свои смутные подозрения и догадки, вообще не знал, как начать разговор. Все выглядело слишком нелепо. «Вы меня вчера предупреждали не ходить в лабораторию, так вот это предупреждение имело смысл. Не могли бы вы сказать, какой?» Звучало это страшно глупо. Поэтому я сидел и молчал. Нервно курил сигарету, стряхивал пепел в предложенную пепельницу, старался не разглядывать ее слишком откровенно и молчал... Похоже, ее несколько не смущало ни мое молчание, ни мои тщательно замаскированные взгляды. Держалась она сегодня более уверенно. Ну что же, так или иначе придется приступать к деловому разговору, не в гости же я к ней пришел. Или, может быть, все-таки в гости? Дурацкая мысль, дурацкое положение.

— Вчера вечером в лаборатории похитили журнал.

Она никак не прореагировала на мое сообщение.

— Мне иногда кажется, что раньше я курила, но сейчас почему-то совершенно не хочется. — Она взяла из пачки сигарету, размяла ее, понюхала и положила обратно.

Потом провела по лицу каким-то усталым, беспомощным жестом.

— Я знала, что вы сделаете из этого неправильные выводы. А журнал, ну, подумайте сами, кому нужен ваш журнал, там же ничего не было, кроме записей о месте и времени отбора проб...

— Так, значит, вы и это знаете?!

— Знаю. Ну и что? — Она посмотрела на меня вызывающе, почти сердито. — Зачем вы пришли?

— Чтобы узнать, чтобы спросить вас...

— Не лгите. — Она подошла и села рядом со мной. — Не нужна вам эта копеечная истина, а ту, настоящую, вы все

равно не узнаете. Во всяком случае, сегодня. А может быть, никогда... И поверьте, это к лучшему. Не дай вам бог когда-нибудь узнать... — Ее глаза сузились. Мне показалось, они излучают какой-то лучистый свет... — Ты хочешь знать мое имя? Меня зовут Веста. — Она взяла меня за руку. Ее рука была холодна как лед. И это было последнее ощущение, которое я запомнил.

— Спи, милый, — сказала Веста. — Мы встретились слишком поздно. Спи.

Я хотел что-то сказать, как-то воспротивиться свету, исходившему из ее глаз, но не мог уже пошевелить ни рукой, ни ногой, странный, мертвый сон сковал все мое тело. Сквозь смеженные веки я увидел, как она встала, подошла к стене и протянула к ней руку. По стене во все стороны пробежали радужные волны, и почти сразу после этого стена исчезла. В первую секунду мне показалось, что за ней нет ничего, кроме темноты, но тут же я понял, что ошибся. В густом плотном мраке ворочалось нечто огромное и живое, с далекими точками голубых огней, вспыхивающих внутри его бесконечного тела, как искры. Может быть, это был космос, а может, ночное земное море...

«Ведьма! — с горечью и восхищением подумал я. — Все-таки она ведьма».

Проснулся я весь в поту в своей постели, в которую упал шесть часов назад, вернувшись из полиции. Я долго не мог понять, что же это было... Сон обладал слишком четкими реальными подробностями: эта дорожка на том месте, где висел календарь, ее имя... Во рту стояла какая-то отвратительная сухость, словно я наглотался раскаленного песка. Виски ломило; пошатываясь, я встал, прошел на кухню и залпом выпил стакан холодной воды. Полегчало. Я все никак не мог собраться с мыслями: перед глазами стояла ее комната, узенький, закрытый пледом диванчик и какая-то скорбная беспомощность в ее опущенных плечах... Черт знает что... В семь должен прийти Артам, я едва не проспал из-за этого кошмара. Я сунул голову под кран, струя холодной воды привела меня в норму. Растеревшись жестким полотенцем, я услышал звонок и пошел открывать дверь, полностью уверившись в том, что это был всего лишь болезненный кошмар, навеянный бессонной ночью.

Мы сидели с Гвельтовым в маленьком, пропахшем рыбой кафе на набережной. Разговор не клеился. Он не клеился уже целую неделю, с той минуты, как я открыл ему дверь после визита в полицию... Дальше так продолжаться не могло. Я должен был или все ему рассказать, или потерять своего единственного союзника. В создавшемся положении я не мог этого допустить, хотя отлично понимал, что, рассказав Артаму все, я должен буду выдать нечто очень личное, невольно совершу предательство по отношению к Весте и, может быть, положу конец всей этой истории... Причем я вовсе не был уверен

в том, что хочу этого конца. Вообще я плохо представлял, каким образом можно перевести в слова все свои ощущения и переживания этих дней. Ощущение дождя, например. Неотвратимости надвигающихся событий или этот последний полубредовый сон... В то же время я отлично сознавал, что, продолжая хранить молчание, невольно становлюсь соучастником каких-то надвигающихся на нас событий.

Словом, мы сидели в кафе, ждали заказ и хранили убийственное молчание. Единственная доступная нам тема работы была полностью исчерпана еще несколько дней назад. После пропаяжи журнала наша деятельность зашла в тупик. Лихорадочные попытки повторить опыт ни к чему не привели. Мы даже не смогли поддержать жизнь в той первой, случайно найденной в колбе колонии. Тепличный режим термостатов и специальных питательных сред, которыми мы старались поддержать ее развитие, оказался для нее губительным.

Я не совсем понимал отношение Гвельтова ко всему происшедшему, он чересчур легко перенес обрушившиеся на нас несчастья. Словно вся эта история не имела ни малейшего значения. Объяснял он это тем, что, собственно, открытия никакого не было. Была шальная, преждевременная удача. Она, по его мнению, просто не имела права на существование.

Сейчас Артам сидел, уставившись в пустую тарелку, и скреб вилкой по ее краю. Раздражающий, визгливый звук в конце концов вынудил меня попросить его прекратить это занятие. Тогда он отложил вилку, вздохнул и уставился мне в глаза тяжелым, немигающим взглядом.

— Я все жду, шеф, надолго ли вас хватит?

— Ты о чем?

— То, что вы от меня скрыли что-то важное, я понял еще в полиции, когда в своих показаниях вы согласились с официальной версией и не пожалели заплатить штраф за повреждение чужой машины. Но ведь там сидел человек, человек, который погиб, как же вы можете молчать?

— Разве я молчу? Разве я не рассказал в полиции все, как было?

— Конечно, рассказали... — Гвельтов поморщился. — Я не об этом. Вы слишком быстро успокоились, слишком легко согласились с ними. Я думаю, вы знаете нечто такое, чего я не знаю. Может, вы хотя бы мне объясните, кто он, тот несчастный, упавший в обрыв вместе с машиной? Ведь мы косвенные виновники его гибели. Я места себе не нахожу с того дня...

— Ну хорошо. Предположим, в машине сидел не человек. Допускаю, что он и не думал погибать...

Впервые я осмелился оформить в четкие окончательные слова те смутные образы и мысли, которые бродили у меня в голове все последние дни. И мне стало легче от этого. Дальнейшие слова уже не требовали такого внутреннего напряжения. Гвельтов держался отлично. Он не перебил меня, не задал ни одного вопроса, даже не выдал своего изумления после моих слов, он просто ждал продолжения, и мне уже не оставалось ничего другого, как рассказать ему все с того самого первого дня, когда я свернул на раскисшую от дождя дорогу к морю.

Выслушав меня, Артам долго молчал. Говорят, две головы лучше одной. Я хотел услышать анализ событий со стороны, от человека, не вовлеченного в них непосредственно, и, следовательно, мог надеяться на то, что его выводы будут свободны от налета личного. Может быть, они окажутся конкретней и логичней моих собственных мыслей. Этой конкретности, сухой, объективной логики я ждал от него как глотка свежего воздуха. Я вовсе не собирался навязывать ему свою точку зрения. Но он слишком уж долго молчал, и наконец я не выдержал.

— Итак, что ты обо всем этом думаешь?

— Я попробую начать с конца и придерживаться только фактов, более-менее установленных вами. Прежде всего о пропавшем журнале. Я не уверен, что вас пытались предупредить о визите постороннего в лабораторию, «уберечь от опасности», как вы, очевидно, склонны предполагать. — Я поморщился, меня корбило его слишком официальный тон, но промолчал.

— Я думаю, что вас просили не появляться в лаборатории, чтобы предотвратить находку колбы номер сто тридцать.

— То есть ты хочешь сказать, что она предвидела?..

— Вполне возможно, и, когда это не сработало, им пришлось организовать похищение журнала. Сам по себе журнал не представлял ценности для посторонних. Тем не менее его похитили. Остается лишь один возможный вывод: кому-то не нравились наши последние результаты, кому-то они могли помешать. Причем этот «кто-то» не был заинтересован в наших исследованиях. Сами по себе они его не интересовали. Иначе пропали бы записи с методикой опытов, пробы, наконец. Выходит, им было нужно во что бы то ни стало помешать нам довести работу до конца.

— И этот «некто» гримируется под нашего заведомо и потом, похитив журнал, кончает жизнь самоубийством...

— Вот! Эти факты настолько нелепы, что нормальной логикой их уже не объяснить. И заметьте, журнал все-таки исчезает из наглухо закрытой машины. Так что насчет самоубийства... Пожалуй, вы правы — в машине сидел не человек...

— Марсиане? Пришельцы на тарелочках? Не очень-то я в них верю, хотя, должен признать, такая версия могла бы объяснить сразу все сверхъестественные способности наших знакомых. — Я не спеша допил холодный кофе, осваиваясь с этой неожиданной мыслью, потом сказал: — Может быть, они и не марсиане. Я уверен, что на Земле хватает своих загадок. Мы стали слишком уж самоуверенны с тех пор, как изобрели железо, пар и электричество.

— Мне очень хотелось бы увидаться с этой вашей знакомой...

— Ну что же... Давай попробуем. Хотя я не знаю, что из этого получится. Может быть, ее попросту не существует. Внушение, гипноз. Мне мерещится любая чертовщина. Иногда я думаю, что надо сходить к психиатру. А иногда мне кажется, что дело гораздо серьезней и надо срочно принимать какие-то меры. Вдруг это касается не только нас...

— Кого же еще?

— Возможно, вообще всех. Всех людей.

Звонок звенел долго, слишком долго, я ни на что уже не надеялся, когда дверь бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге, и мне показалось, что сон сейчас повторится. Холодный огонь блеснул в ее глазах... На ней было то самое легкомысленное летнее платье, в котором она села в машину...

— Познакомьтесь, это мой сотрудник... — я запнулся, — вернее, друг. Решили вот зайти... — Я стоял и мямлил нечто невразумительное, а она еще раз обдала меня все тем же презрительным и холодным взглядом, потом подала Гвельтову руку.

— Меня зовут Веста.

Я вытер вспотевший лоб. Сон подтверждался. Ее имя... На стене висела дорожка, которую я видел во сне... Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем я взял себя в руки. Меня оставили в гостиной, а Веста вдвоем с Артамом готовили на кухне кофе. До меня долетал ее веселый смех и кокетливая болтовня. Наказание обещало быть долгим и суровым. И я не ошибся. Вечер прошел отвратительно. Я все время чувствовал себя предателем, словно выдал некую принадлежавшую мне одному, и дорогую для меня, тайну... Так оно, в сущности, и было. Я не испытывал ревности. Меня грызла глухая тоска и страх оттого, что подтвердились самые худшие предположения, оттого, что сон был правдой, а Артам размазней... Да и кто смог бы устоять перед этими глазами?

Я словно раздвоился. Одна половина моего существа жила нормальной человеческой жизнью, она попросту ревновала Весту к Гвельтову, и мне приходилось признавать, что всего за каких-то три дня эта женщина стала значить для меня слишком много. Другая же половина, не очень заметная, словно сидела в темном углу, сжавшись от леденящего душу страха. Постепенно это впечатление развеялось. Может быть, причиной тому было вино, которого оказалось в буфете у Весты целые две бутылки. Запас продуктов на этот раз тоже не вызывал никаких нареканий. Словом, нас ждали... А может быть, не нас, кого-нибудь другого. Веста включила магнитофон, и они с Артамом очень мило проводили время за танцами. Я же пил стакан за стаканом кислое вино, совершенно не пьянея, только мрачнел все больше. Придется как-то выпутываться из дурацкой ситуации, в которую я сам себя загнал, но я все не находил повода, чтобы встать и уйти. Очередной танец кончился, они оба сели на кушетку рядом с моим креслом, продолжая начатый во время танца разговор. Казалось, они так увлечены им, что вообще забыли о моем присутствии.

— А что вы делаете по вечерам? Бывают же у вас свободные вечера? Неужели сидите здесь одна?

Он что, с ума сошел? Что за пошлости говорит? Но Весту ничуть не коробили его вопросы.

— Я много читаю. Часами могу смотреть телевизор. Почти любую передачу. Правда, иногда мне кажется, что раньше я не любила этого занятия.

— Охотно верю. Наше телевидение страдает обилием пустой болтовни... А ваша мама? Вы, наверное, часто бываете у нее?

Мне показалось, что ее лицо напряглось лишь на секунду и тут же вновь смягчилось.

— Теперь нас мало что связывает. Раньше мы были большими друзьями, но с возрастом отношения меняются. — Вдруг она улыбнулась: — Хотите посмотреть ее фотографии?

Артам, видимо, не ожидал этого предложения и растерялся. Я понял, что он неспроста затеял разговор.

— Нет, что вы, я вовсе не хотел...

— Да? А я думала, вы вообще сомневаетесь в том, есть ли у меня родители.

Это было прямой вызов. Гвельтов смутился, попытался обрывать все в шутку, но как-то неуклюже. Хозяйка вдруг потеряла к нашему визиту всякий интерес. Через несколько минут Артам поднялся и, сославшись на какое-то дело, стал прощаться. Я молча последовал за ним. Нас не стали ни провожать, ни задерживать. Уже на пороге я обернулся. Веста не смотрела в нашу сторону. В ее пустых и отрешенных глазах, упершихся в стену, не было ничего, кроме усталости и скуки.

Погода улучшилась. Вечер обещал быть тихим и прохладным.

— Ну так что? — спросил я Гвельтова. — Какие выводы ты сделал?

— Выводы? Какие ж тут выводы... По-моему, она очень красивая женщина.

— Хорошо, хоть это заметил, — мрачно пробормотал я. — Но мы не в гости ходили...

— Все, что вы говорили в кафе, — нагромождение нелепостей, она самая обыкновенная женщина и, по-моему, очень несчастная. Она в беду попала, а вы вместо того, чтобы помочь ей, затеяли какое-то расследование. Ваш научный подход в некоторых случаях выглядит...

Он недоговорил, но все было ясно и так. Гвельтов вскочил в подошедший троллейбус, а я не двинулся с места.

После истории со шрамом Веста долго не могла решиться на то, чтобы снова копаться в своем прошлом. Хотелось просто жить, ни о чем не думать, наслаждаться каждым начинающимся днем, воспринимать его как подарок. Это настроение пришло после того, как она поняла, что Глен Лонгаров, случайно подбравший ее на дороге, занимает в ее мыслях все большее место... Вполне возможно, что первоначальный толчок этому процессу дало то беспредельное одиночество, в котором она очутилась, но эта первопричина сейчас уже не имела значения. У нее появился друг. Жизнь приобрела новый значительный смысл. Так было до вчерашнего дня, до того, как он привел к ней своего сотрудника... Она вдруг почувствовала себя подопытной морской свинкой. Получалось, что ее стремление забыть ни к чему хорошему не приведет. Другие все равно не забудут. Человек без прошлого не имеет права жить сегодняшним днем, сначала он должен отыскать свой вчерашний... И она снова начала поиски. Ощупью, наугад... С самого простого. В том же ящике, где лежала пачка с фотографиями, она нашла документы на имя Весты Реналовой, договор на квартиру, квитанцию об оплате и адрес квартирной хозяйки. Срок оплаты истек через месяц, но она решила сходить по этому адресу и по-

смотреть, как отреагирует хозяйка на ее появление. Что она помнит о прежней Весте Реналовой? Рано или поздно должны были встретиться люди, которые знали ее раньше, так пусть же это случится скорее!

Дверь открыла толстая пожилая женщина и, не пригласив войти, молча уставилась на Весту. Веста хорошо понимала, что в ее положении следует соблюдать осторожность, чтобы не дать повод для ненужных слухов, которые могли еще больше затруднить ее жизнь в этом враждебном мире. В ней появилась несвойственная ее возрасту предусмотрительность и осторожность, и она пользовалась этими новыми качествами. Наконец толстуха не выдержала затянувшегося молчания.

— Ну и чего ты пожаловала, милочка? Как деньги платить, так вас не дожدهшься, а с жалобами так и шастанут, что там у тебя стряслось, кран течет?

— Кран в порядке.

— Так чего тебе надо?

Веста достала квитанцию.

— Срок кончается через месяц, и я хотела узнать, какую сумму должна буду вам заплатить.

— А у меня ничего не меняется. Как платила, так и будешь платить. Мне дела нет, что тебя дома никогда не бывает. Желающих на твою комнату знаешь сколько? У меня цены невысокие, потому и беру вперед за год. Так что готовь четыреста монет.

Этот короткий осторожный разговор кое-что все же прояснил. Во-первых, для окружающих она была Вестой Реналовой, и, следовательно, прошлое этой женщины скорее всего и было ее собственным прошлым... Но тогда становилось совершенно непонятным, куда девался шрам с ее колени... Можно предположить, что память не во всем изменяет ей, а лишь в некоторых, но достаточно важных случаях... Как, например, в истории со шрамом. Теперь возникла необходимость как-то рассортировать свое прошлое. Отделить настоящие воспоминания от ложных и постепенно приблизиться к тем пропавшим из жизни месяцам. Сейчас она могла думать о них почти спокойно, без леденящего ужаса первых дней. Ей даже пришла мысль посоветоваться с Гленом, обратиться к нему за помощью, но она тут же отбросила ее. Возможно, она и расскажет ему, но потом. Слишком это личное. Прежде она сама должна узнать все, что с ней случилось.

Она шла от квартирной хозяйки к своему дому по узкой извилистой улочке. Стены домов, сложенные из огромных глыб серого трещины расщелины тянулись какие-то кусты, карликовые деревца, островки, травы. Им, наверно, было здесь так же тесно, как людям. Веста подумала, что во всей этой толпе нет ни одного знакомого лица, а если кто-то и окликнет ее, она не будет знать, что ответить. Возможно, поэтому она инстинктивно старалась избегать людных мест. Веста ускорила шаг, чтобы скорее выбраться на открытое пространство, но в конце, у перекрестка, улица стала еще уже. Тротуар, обнесенный металлической оградой, превратился в тесный коридорчик. Люди

шли вплотную, невольно касаясь друг друга, и Веста вздрагивала от этих прикосновений. Они были ей неприятны.

Неожиданно из перекрестка навстречу Весте вынырнул большой желтый автобус. До него было метров сто, но он шел очень быстро и через несколько секунд должен был поравняться с узким участком тротуара. И вдруг автобус словно бы раздвоился... Однажды в кино Веста видела такую штуку. Тогда от предмета отделилось его движущееся изображение. Именно это произошло сейчас, и Веста, еще ничего не понимая, с интересом наблюдала, как некое подобие миража, изображавшее точную копию желтого автобуса, только совершенно прозрачную, обогнало настоящий автобус и поравнялось с тротуаром. В тот же миг у «миражного» автобуса лопнула правая передняя шина, он резко вильнул в сторону и врезался в тротуар. Веста видела, как на нее неотвратимо надвигается широкая тупая морда машины. Несмотря на то что сквозь изображение просвечивались дома на противоположной стороне улицы, оно выглядело слишком угрожающе, слишком реально. Веста, вскрикнув, инстинктивно рванулась в сторону. Секундой позже за ее спиной раздался глухой удар и крики людей. Настоящий автобус врезался в тротуар...

Ночью город замирает. Спят машины, спят люди... Не спит лишь она одна. Не спит восьмую ночь подряд... Нельзя назвать сном ту легкую прозрачную дремоту, которая иногда охватывает ее на час-другой... Теперь она знает, что у нее нет потери памяти. С ней случилось нечто совсем другое... Но что же?!.. Нельзя неподвижно лежать с открытыми глазами все ночи напролет и слушать шорохи уснувшего города... Шорохи? Да. Только в них какой-то чуждый городу ритм. Легкое шипение воды, скрежет невидимых камешков... Волна за волной. Волна за волной наплывает на нее из темноты. С тех самых пор, как она очулась на берегу моря, в ушах все время стоит этот легкий прозрачный гул морского прибора. Дневные звуки заглушают его, но зато ночью, когда город спит, прибор неумолчно звучит у нее в голове и шепчет, и шепчет...

— Что мне делать, скажи? У меня больше нет сил в одиночку бороться. Нет сил, и нет мужества узнать правду...

И прибор словно отвечает ей:

— Ты знаешь правду... Знаешь...

— Знаю, да! Что мне делать с ней?

— Жить...

— Зачем?

— Зачем живут на земле люди?

— Так то люди... А я? Я одна в этом мире.

— Ты не одна. Ты сильнее любого человека. Ты еще не все знаешь, и у тебя есть Глен... Позвони ему...

— Нет. Только не это. Я ничего не могу ему объяснить. Все запутывается с каждым разом все больше. Мне приходится лгать, выкручиваться, притворяться. Я не могу так больше!

— Так скажи ему правду.

— Я сама ее не знаю.

— Знаешь! Знаешь! Знаешь! — грохочет прибор, и волна за

волной набегает на нее из темноты. Ей хочется закричать, вскочить, убежать куда-нибудь. Но бежать некуда. Эти звуки у нее в голове. И они всегда с ней. Везде.

Сведения и факты, относящиеся к заинтересовавшей меня проблеме, часто накапливаются в моем мозгу как бы сами собой, без участия воли. В голове все время идет беспре-рывная перетасовка различных данных. Причудливые картины рождаются и рушатся, как в детском калейдоскопе...

Поведение Гвельтова, а скорей всего самой Весты, ускорило процесс подсознательного анализа. И из пестрых картин постепенно стала выкристаллизовываться до нелепости простая идея... Я могу часами бродить по городу. Ритм ходьбы отвлекает внимание, рассеивает его и тем самым как бы раскрепощает причудливый механизм подсознательного калейдоскопа.

Я совсем не мучился угрызениями совести, несмотря на отповедь Гвельтова, и мне вовсе не хотелось бежать к ближайшей телефонной будке, чтобы звонить Весте. Наоборот, в моем отношении к ней прибавилась изрядная доля скептицизма. Возможно, виновато в этом было уязвленное мужское самолюбие. Как бы там ни было, я брел по городу и думал о Весте. И пожалуй, не столько о Весте, сколько о пропаже журнала, о машине, в которой не оказалось водителя. Обо всем сразу. Но главное, все же о Весте. И вот тогда это случилось. В мозгу словно щелкнул какой-то невидимый переключатель. Я подумал: «У нее пропало три месяца, а встретил я ее 12 октября». Впервые эти две цифры вдруг сложились вместе, и получилось 12 июля... День, когда с Вестой случилось нечто из ряда вон выходящее... И вполне возможно, что событие это, хотя бы косвенно, могло попасть на страницы газет! Ведь колонки полицейской хроники всегда смакуют любые необычные происшествия. Репортеры специально ищут факты несчастных случаев, исчезновений, похищений и всех подобных событий... Не знаю, почему мне раньше не пришло в голову просмотреть газеты за июль — это же так очевидно...

В институтской библиотеке я взял три газеты, подробно освещавшие все городские события. Мне не пришлось долго искать. «Городские новости» за 14 июля поместили заметку под заголовком: «Самоубийство или несчастный случай?» Я запомнил ее почти наизусть. «Вчера вечером неизвестная женщина подошла к прокатной лодочной станции. Лодочник, удивившись позднему заказу, назначил двойную цену, однако незнакомка не стала торговаться. Лодка отошла от причала, чтобы не вернуться уже никогда. Погода стояла прекрасная, волны не было, и все же в ста метрах от берега лодка перевернулась без всякой видимой причины.

Дежурный спасатель, очевидец происшествия, так описывает событие: «В шесть часов пополудни от причала лодочной станции отошла прогулочная лодка, она не нарушала никаких правил, но, поскольку в этот час не было других лодок, я следил за ней. (Учитывая внешность, возраст, а также пол гребца, к этим словам спасателя можно отнести с полным доверием.) У нас на вышке мощная оптика, и я видел все до мельчайших

подробностей, — утверждает спасатель. — Лодка отплыла от причала всего метров двести. Потом женщина резко наклонилась к левому борту, словно что-то разглядывала в глубине. Лодка качнулась и, хотя волны совершенно не было, неожиданно перевернулась. Я сейчас же поднял тревогу. Катер подошел к месту происшествия буквально через несколько минут. Однако на поверхности плавала лишь перевернутая лодка. Мы обшарили все дно. Аквалангисты искали не меньше трех часов, до полной темноты. В этом месте нет никаких течений, однако тело утонувшей так и не удалось найти. Полиция просит всех знакомых или родственников погибшей помочь установить ее личность...»

Далее следовали подробные описания примет утонувшей женщины. Там было все. Даже короткое цветное платье, похожее на сарафан.

Я осторожно отодвинул от себя газеты, словно в них была скрыта мина замедленного действия. Я не стал смотреть, отозвался ли кто-нибудь на призыв полиции, я не хотел больше ничего знать. Необходимо было время для того, чтобы разум мог освоиться с этой нечеловеческой информацией, переработать ее и как-то приспособить к обычной нашей логике...

Одна лишь фраза в стиле только что прочитанной бульварной газетенки назойливо вертелась у меня в голове: «Три месяца спустя утонувшую случайно встретили на проселочной дороге...»

Солнце еще не встало из моря, не успело разогнать туман, но уже наполнило его на востоке ровным призрачным светом. Вода казалась совершенно застывшей, неподвижной и тяжелой. Весла с трудом погружались в нее. И когда, откинувшись всем телом назад, Гвельтов вырывал их из воды, было слышно, как большие тяжелые капли шлепаются обратно в море.

Я сидел на корме и до рези в глазах всматривался в расплывчатые очертания берега, едва проступавшие из тумана. Туман гасил звуки, сжимал пространство. Можно было подумать, что все окружающее на сотни километров вокруг представляет собой это расплывчатое белесое марево.

— Вроде здесь... — неуверенно сказал я.

Гвельтов опустил весла, достал со дна лодки большой черный цилиндр для отбора проб воды и мрачно спросил:

— Какая глубина?

— Если бы я знал... Может, позже, когда солнце разгонит туман, я сумею хотя бы сориентироваться. Мне кажется существенным в точности повторить все условия. Если ты помнишь, в тот раз мы брали пробы в шесть утра.

— Какое это может иметь значение?

— Откуда я знаю? Может быть, в воде образуются специфические вещества, разрушающиеся с восходом солнца. Не так уж много у нас шансов повторить сто тридцатую пробу.

Гвельтов покрутил установочное кольцо, определявшее момент, когда под действием возросшего давления механизм сработает, крышка цилиндра откроется и пропустит внутрь порцию черной воды... На глубине ста метров вода всегда черная,

с редкими точками огней... Я и сейчас видел рой этих огней, окруживших брошенный за борт цилиндр. За последнее время свечение моря значительно возросло, и никто толком не знает причины. Обилие планктона, наверно... Уменьшились запасы рыбы, равновесие нарушилось, и образовавшуюся пустоту заполнил собой планктон и медузы. Особенно медузы. Их белесые, похожие на студень тела плотной массой запрудили всю прибрежную зону, завалили пляжи. Даже здесь, вдали от берега, их липкие тела окружали лодку. Я видел, как трос, привязанный к цилиндру, перерезал одну из этих зыбких тарелок и обе ее половинки спокойно поплыли в разные стороны, словно ничего не случилось.

Разговаривать не хотелось. После визита к Весте отношения между нами разладились, словно Артам был виновен в моем открытии. Прошла неделя, а я все не находил в себе сил даже близко подойти к улице, на которой жила Веста, и старался о ней не вспоминать. Мой мозг словно погрузился в такой же белесый и плотный туман, как тот, что давил на сейчас море. У Гвельтова хватило такта не вспоминать о происшедшем. Оба мы с головой погрузились в работу, стараясь во что бы то ни стало восстановить утраченные пробы, повторить первый удачный опыт. Словно успех мог что-то объяснить в этой цепи неразрешимых загадок, окруживших нас со всех сторон. Как бы там ни было, работа была реальным, конкретным и прочным остовом. На нее можно было положиться. Я спешил так, словно боялся опоздать на поезд, словно хотел измотать себя до полного отупления и ни о чем не думать... А что еще мог я сделать? Что мог противопоставить силам, не укладывающимся в границы человеческой логики?

Одна за другой пробы воды оказывались в стеклянных флаконах с этикетками из лейкопластыря. На сто сорок первой пробе Гвельтов не выдержал. Сказал, что с него на сегодня довольно. Из чувства противоречия я отобрал у него цилиндр и сам бросил его за борт. В сто сорок второй раз. И когда лебедка кончила наматывать трос, сказал, чтобы он греб к берегу.

Вода в отборнике показалась мне какой-то странной, слегка маслянистой... Солнце наконец разогнало последние клочки тумана, и стало видно, что жидкость в последней бутылке действительно отличается от остальных проб. Она слегка опалесцировала и казалась более плотной. Я едва дождался, пока лодка пристанет к берегу.

Не знаю, заметил ли что-нибудь необычное в этой пробе Гвельтов, и до сих пор не знаю, почему ничего ему не сказал.

Я увидел бактерии сразу, как только поднес предметное стекло с каплей воды под бинокляр. Они заполняли собой все пространство... Непривычно огромные, с выпуклыми ядрами и увеличенными зернами хромосом. Их желеобразная оболочка мало походила на оболочку амёб, хотя это были, несомненно, амёбы, древнейшие и простейшие существа нашей планеты. Но в отличие от тех амёб, которых я хорошо знал, эти не пользовались движением с помощью переливания своего тела из одной ложноножки в другую. Ничего подобного. Они стремительно пересекали поле зрения бинокля. Больше всего их тела во время движения напоминали крошечных кальмаров, и я не был уве-

рен, что они не используют тот же принцип реактивной отдачи струи воды, которым пользуются кальмары. Иначе трудно было объяснить скорость их движения. Для простейших организмов это было, пожалуй, слишком... Я бросился к определителю Левинсона. Исходя из одноклеточного строения, я отнес их к классу протозоа и тут же убедился, что такого вида в определителе нет...

Смутная догадка шевельнулась в моем мозгу. Мне вдруг захотелось остановить эту амебную круговерть, чтобы рассмотреть получше. Нет, не для этого... Я и так все прекрасно видел. Мне захотелось убить их, увидеть, как они умирают... Я отлил часть пробы в чашку Петри, под руки попался пузырек с цианидами. Пожалуй, это то, что нужно. Я открыл пузырек и набрал яда. Доза была достаточной, чтобы свалить лошадь. Когда капля яда сорвалась с конца пипетки и упала в чашку, я держал ее в левой руке, мне показалось, что чашка слегка нагрелась. Этого быть не могло, и все же... Я вновь подошел к микроскопу. И не поверил своим глазам. Амебы в чашке были живы. Их движение ускорилось, стало, пожалуй, более упорядоченным. И они были живы!

Повторяя опыт, я действовал гораздо более осмотрительно. Во-первых, я взял из сейфа новую, нераспечатанную склянку с ядом. Кроме того, я вставил в чашку термометр и проделал весь опыт, не отрываясь от окуляров микроскопа. В момент, когда капля с ядом упала в чашку, по всем амебам словно прошла мгновенная конвульсия. Затем они стремительно кинулись навстречу друг другу и соединились в одну общую колонию, похожую на маленький рогатый шар подводной мины... Мне даже показалось, что на концах ее рожек сверкнули синие искорки крошечных разрядов, но в этом я не был уверен... Температура в чашке поднялась на четыре градуса. Вода действительно нагревалась! Но это было еще не все. Колония окуталась облачком мути, потом вода очистилась и амебы снова распались на отдельные организмы. Правда, теперь они двигались общей группой, параллельными курсами, словно каждую секунду были готовы встретить вместе новую опасность.

У меня не хватило духу продолжать опыты, я лишь втянул в пипетку немного воды, стараясь не задеть ни одного из членов этой таинственной колонии. Анализ показал, что цианиды были разложены на более простые безвредные соединения. Скорость, с которой был проделан этот химический фокус, превосходила все известное современной науке. К тому же энергия, выделенная на это, была слишком велика, ее остаток нагрел воду. Амебы все вместе обладали слишком малой массой для выделения такого количества энергии. Откуда же она взялась? Что еще могут эти таинственные существа? Что они собой представляют? Колонию неизвестных науке бактерий или нечто большее? Нужны были новые опыты, более серьезная постановка проблемы, специалисты, наконец. Больше я не имел права работать один.

Я торопливо убрал пробирки и колбы. Поставил пробу вместе с портативным термостатом в сейф, запер лабораторию и пошел домой. Нужно было все обдумать. Решить, к кому именно обратиться, чтобы к моему сообщению отнеслись серьезно.

Слишком уж фантастично все выглядело. Но пока у меня есть эта проба, ничего не стоит доказать... Если, конечно, свойства этих одноклеточных организмов не изменятся, если они не погибнут. «Ерунда! — успокоил я себя. — На них не действуют даже цианиды. С такой поразительной способностью противостоять неблагоприятным воздействиям среды и даже изменять ее они сумеют за себя постоять».

Мои мысли начали складываться в четкий узор фантастической догадки, связывавшей в одно неразрывное целое все события последних дней. История с Вестой, похищение журнала, заметка в газете и, наконец, мои сегодняшние амебы — все входило в эту догадку. Не хватало лишь последнего штриха, чтобы все стало ясно.

Было около шести часов вечера, когда я вышел из института. Самое «пиковое» время, улицы полны народа, к остановке троллейбуса не протолкнуться. Стиснутый плотной массой человеческих тел, я всматривался в незнакомые и разные лица и, может быть, впервые думал о том, что все мы одно племя на небольшой, в сущности, планете Земля. У всех у нас разные занятия, устремления, и все же в минуту опасности люди сплавиваются вместе. «Нигде, пожалуй, так полно не ощущает человек своей причастности к человечеству, как в переполненном троллейбусе», — с усмешкой подумал я и по вернувшемуся впервые за последнюю неделю чувству юмора понял, что снова обрел уверенность в себе. Троллейбус остановился, я вышел и, как всегда, на углу, у дома, привычным взглядом окинул свою машину — на месте ли колеса, подфарники и прочие мелочи. Все было в порядке, но в кабине кто-то сидел... Заходящее солнце, отражаясь в стеклах, мешало рассмотреть сидящего в машине человека. Я осторожно подошел ближе и по тому, как внезапно стремительно рванулось и замерло сердце, еще до того, как смог что-нибудь рассмотреть, уже знал, кто это.

Ничего не сказав, я опустился на место водителя и захлопнул дверцу. Веста тоже молчала. Наверно, минут пять мы так сидели. Мимо в нескольких шагах тек поток людей. Я опять вернулся в какой-то нереальный мир — мир снов. Я его всегда ощущал рядом с этой женщиной. Молчание становилось невыносимым, но я, стиснув зубы, ждал. Я решил, что на этот раз она заговорит первой и объяснит мне все. Во мне шевелилась и зудила как комар одна мыслишка: «Ее появление как-то связано с моим сегодняшним открытием, с этими проклятыми амебами. Не может быть не связано».

Вдруг она повернулась ко мне и сказала:

— Все, что ты прочитал в газете, написано обо мне.

Я почувствовал, как сердце рванулось и замерло где-то у горла, стало душно. Я опустил стекло. Струя холодного воздуха помогла мне взять себя в руки. Ее голос звучал спокойно, даже как-то отрешенно, словно она рассказывала о совершенно постороннем человеке, о вещах, не имеющих к ней ни малейшего отношения.

— Иногда мне кажется, я что-то помню, какие-то смутные образы... Скорее всего это был бред, последние искаженные

проблески сознания. Когда лодка перевернулась, я почти сразу захлебнулась и пошла на дно, я совсем не умею плавать... Потом окончательный мрак, какие-то искры, голоса, сколько это продолжалось — не знаю. Время для меня остановилось. И вдруг дождь... Он лил и лил прямо на меня. Помню, как я удивилась, откуда может быть дождь на дне? Потом вдруг мимо проехала твоя машина...

— Как они выглядят? — Это был мой первый вопрос.

— Я не знаю. Я их никогда не видела. Никто их не видел. Мы только посредники. Они живут в море, вот и все, что я знаю. Я иногда думаю, какие они, пытаюсь их себе представить — и не могу... Вижу что-то бесформенное, огромное... Может, у них и тела нет... Не знаю, ничего не знаю...

Веста замолкла. Пожалуй, я знал об этом больше ее... Перед глазами у меня стоял четкий строй крошечных, не различимых невооруженным глазом существ.

— Я помню себя с той минуты, как ощутила дождь. Я лежала на берегу, в куче гниющих водорослей. Потом я услышала звук мотора. Дальше ты все знаешь... Но это еще не конец. Вначале я старалась ни о чем не думать. Мне казалось, что это просто чудесное спасение, что мне повезло, волна выбросила на берег мое бесчувственное тело. Я придумывала самые простые объяснения, но потом я увидела календарь и свою квартиру и узнала, что с тех пор, как я утонула, прошло четыре месяца; в тот, первый момент я даже подумала, что ты имеешь к этому какое-то отношение. Чтобы не сойти с ума, я должна была найти правдоподобное объяснение... А потом были сны... Но даже во сне я их не видела ни разу, хотя они говорили со мной.

Она замолчала и сидела так тихо, что, если не смотреть в ее сторону, можно было подумать: в машине никого нет.

Я испытывал к ней беспредельную жалость, хотя она меньше всего заслуживала этого чувства. Любая другая на ее месте вряд ли сумела бы сохранить рассудок, а она как-то справилась со всем этим.

— Послушай, Веста, давай уедем отсюда. Хочешь, я увезу тебя прямо сейчас. Все забудется, в конце концов, все могло тебе привидеться как в кошмаре. Тебя просто выбросило на берег! Не было никаких пропавших месяцев! Не было! — Я почти кричал. Она отыскала в темноте мою руку и крепко сжала. Ее ладонь была горячей, а кожа показалась неправдоподобно гладкой, словно я держал в руках лайковую перчатку... Может быть, у меня чуть-чуть дрогнула рука — не знаю, но она почувствовала, что мне не по себе от ее прикосновения, и убрала руку. Потом тихо сказала:

— Вот видишь... А ты говоришь — забыть. Долги нужно выплачивать. А я получила от них в долг не так уж мало... Всего лишь жизнь... Пусть даже такую, не совсем настоящую...

Я не мог с этим смириться и в то же время не находил в себе сил рвануть рукоятку скоростей, послать машину вперед и увезти Весту отсюда. Не мог, потому что не выдержал даже простого прикосновения ее ладони... Молчание затягивалось, превращалось в какую-то холодную стеклянную стену, отделявшую меня от нее. Чтобы как-то справиться с этим, я спросил:

— Чего же они хотят, что им нужно? Для чего они пришли к нам, поднялись со своего дна, зачем?!

— В этом нет ничего непонятно. Люди превратили океан в огромную помойку, в свалку. Им нечем стало дышать. Наверно, они считают, что, родившись на этой планете вместе с нами, а может быть, даже раньше нас, они имеют право на жизнь, такое же право, как люди. Я могу ошибаться, это всего лишь мои догадки, но, по-моему, их разум пробуждается только в минуты смертельной опасности...

— Это же безнадежно... Человечество никогда не позволит навязать себе чужую волю. Начнется война, война, в которой их уничтожат.

— Напрасно ты думаешь, что это будет так просто. Они не так слабы, как кажется с первого взгляда, но меньше всего они хотят войны. И все же если их вынудят, если они решат, что человеческий род не в состоянии дальше управлять планетой... Я не уверена, что в этой войне победят люди... И все же в них нет злобы, понимаешь? Это дает нам надежду... То есть я хотела сказать вам, людям. Самое опасное — это посредники. Зачастую выбор случаен, а последствия... Перестав быть человеком, не каждый способен сохранить в себе добрую волю. Есть и такие, которым хочется, чтобы весь мир катился ко всем чертям вместе с ними. В первые дни мне тоже этого хотелось, но потом... Наверно, не всем удается взять себя в руки, хотя бы частично вернуть контроль над своими поступками.

— О ком ты говоришь?

— О Цезаре. Ты его видел. Тогда в роли твоего начальника в лаборатории — это был он... Наверно, все дело в том, что наш мозг функционирует иначе, собственно, мы уже не люди, лишь вместилище для чужого разума...

— Этого не может быть! Не может! Ты...

— Молчи. Не надо. Ты не знал меня раньше и не знаешь того, что знаю сейчас я. Часто я сама не могу определить, какие мысли принадлежат мне, какие им. Наше сознание — это неразрывное целое. Иногда город кажется мне наполненным чужими, враждебными существами, я, как рыба, смотрю на него сквозь стекло аквариума.

Веста замолчала.

В полумраке кабины виднелся только ее точеный профиль. Волосы рассыпались по плечам, она сидела совершенно неподвижно, словно застывшая. И вдруг в какую-то долю секунды я понял, что она ощущала в эту минуту... Она сказала уже все, положила последний камень в стену, разделявшую нас, и теперь ждала лишь последних слов, которые должны были разрушить все, что у нее еще оставалось в этом мире. Я не испытывал к ней жалости. Только огромное удивление и восхищение перед мужеством этой женщины.

— Послушай, Веста... — Она не шевельнулась. — Ты знаешь сказку о царевиче, который поймал русалку?.. — Она все еще молчала, только отрицательно мотнула головой. Смысл того, что я собирался сказать, еще не проник в ее сознание. — В этой сказке печальный конец... Русалка не была похожа на обыкновенных девушек, а царевич полюбил ее и хотел на ней жениться. Людские пересуды помешали их счастью... Но на са-

мом-то деле он поймал в свою сеть не русалку, а чудо. То самое необыкновенное, сказочное чудо, которое каждому из нас попадает всего лишь раз в жизни, только не все умеют его распознать: то рыба чешуя мешает, то еще что-нибудь... Так вот я бы не хотел повторить ошибку царевича... С этого дня мы всегда будем вместе. Я не знаю, сколько нам оставлено времени, никто этого не знает. Но больше я не потеряю ни одной секунды по собственной воле.

В полумраке кабины ее глаза сверкнули как два огромных изумруда. Я знал, что в эту минуту она видит меня насквозь, читает мои самые сокровенные мысли. Этой женщине я никогда не смогу солгать, даже если очень захочу... Я знал, на что иду, легкий мороз пробежал у меня по коже. Я ждал ответа, но она лишь спросила:

— Ты отдаешь себе отчет? Ты уверен, что справишься?

Вместо ответа я наконец сделал то, о чем мечтал все эти дни. Я притянул ее к себе и крепко поцеловал в горячие, потрескавшиеся губы.

И в эту секунду стеклянная стена, разделявшая нас, перестала существовать.

Гвельтов никогда не напивался до такой степени, как в тот вечер, когда Лонгаров холодно с ним простился, забрал пробы и уехал, оставив его одного. В те дни, когда удачей не пахло, он был ему нужен, как каторжный, сутками сидел в лаборатории, а сегодня...

Еще больше его обиду разжигала мысль о том, что Лонгаров мстит ему за вечер с Вестой. Это было не по-мужски... Гвельтов завернул в первый попавшийся портовый кабачок и выбрался оттуда далеко за полночь. Он брел по самой кромке тротуара, то и дело останавливаясь и бессмысленно озираясь. Иногда подолгу стоял неподвижно, обняв фонарный столб, и рассказывал ему о своих обидах. Прохожих в этот поздний час было немного, а те, что попадались навстречу, сразу же, увидев Гвельтова, переходили на противоположную сторону. Вечерами в городе бывало беспокойно, а от пьяного всего можно ожидать... Так что Гвельтов не испытывал неудобств в своем зигзагообразном движении. Вся левая сторона улицы оставалась в его распоряжении. Только пройдя три квартала и выбравшись на набережную, что заняло у него не меньше двух часов, он наконец понял, что идет в противоположную от дома сторону. Это открытие несколько отрезвило его, к тому же два часа, проведенные на свежем воздухе, уменьшили опьянение. И все же впоследствии, восстанавливая в памяти все события этой ночи, Гвельтов никак не мог вспомнить, в какой именно момент у него появился товарищ... Вроде бы на набережной он был один, а когда шел обратно, у него уже не было необходимости делиться своими печалью с фонарными столбами, поскольку рядом оказался внимательный, чуткий, все понимающий собеседник. Они успели обсудить все достоинства хорошо очищенной можжевелевой водки. Тщательно проанализировали влияние провинциальных традиций на качество выделки коньяков и перешли уже к новомодной категории коктейлей, кото-

рую оба не одобряли. Затем Гвельтов долго объяснял, каким законченным мерзавцем оказался его шеф, и, кажется, сумел доказать, почему именно. После чего его спутник заметил, что все начальники по самой своей природе — мерзавцы.

Гвельтову давно не попадался такой толковый, настроенный в унисон его самым сокровенным мыслям собеседник. Вполне довольные друг другом, они забыли о времени. Гвельтов помнил, что на углу какой-то улицы, отнюдь не той, что вела к его дому, в руках у его товарища оказалась заветная плоская бутылочка, какие носят в верхнем боковом кармане пиджака истинные ценители и знатоки. Гвельтова, правда, несколько удивил тот факт, что бутылочка оказалась нераспечатанной, в фабричной упаковке...

Когда на дне почти ничего не осталось, Гвельтов перешел к анализу личных связей, на которых держится современное общество. И здесь они оба проявили редкостное единодушие и общность взглядов. Дальше в памяти Гвельтова образовался какой-то странный провал, очевидно, содержимое заветной бутылочки подействовало на него сильнее всех предыдущих. Как бы то ни было, полностью очнулся он уже в лаборатории... Причем совершенно не помнил, как сюда попал и почему вообще оказался на работе ночью... Рядом с ним за столом сидел совершенно незнакомый человек. И с этого мгновения мозг Гвельтова заработал уже вполне отчетливо, сохранив в памяти все подробности того, что произошло дальше.

— Итак, вы обещали мне показать ту самую штуку, из-за которой ваш шеф... простите ваш мерзавец шеф...

Глаза незнакомца блестели холодно и совершенно трезво. Очевидно, он еще не догадался, что в этот момент алкоголь без всякого постепенного перехода полностью потерял свою власть над Гвельтовым и тот даже догадался не сразу это показать, чтобы прояснить странную ситуацию, в которой очутился. Вполне добросовестно изображая пьяного человека, он радостно и глупо рассмеялся, шатаясь, подошел к полке и снял старый, прошлогодний журнал. Славу богу, современные научные учреждения не страдали недостатком создаваемой ими макулатуры.

— Вот тут! — заплетаясь, произнес он и хлопнул по папке рукой. — Вот тут, дорогой друг, все написано! История всех моих бед. Я дарю вам это! — Гость брезгливым жестом отодвинул от себя пропыленную папку и внимательно посмотрел на Гвельтова.

— Вы как будто собирались показать мне совсем не бумаги.— Голос гостя стал строгим, в нем появились металлические нотки. — Перестаньте паясничать, Гвельтов! Вы уже совершенно трезвы. Садитесь и слушайте меня внимательно.

Последнюю просьбу Артам выполнил беспрекословно, все еще надеясь выиграть время и разобраться в непонятной для него ситуации.

— Сейчас вы выключите сигнализацию и откроете шкаф!.

— Кто вы такой?

— Не задавайте глупых вопросов. Делайте, что вам говорят.

— Вы уверены, что я... — Он не успел закончить.

Перед глазами вспыхнули огненные круги. Страшная боль со-

гнула его почти пополам. Ни глотка воздуха не проникало в его сжатые спазмой легкие. Мучительный удушающий кашель раздирает внутренности. Ударил его профессионал. Ударил со знанием дела. И постепенно, с трудом обретая контроль над непослушным телом, Гвельтов уже знал, что из этой истории ему, пожалуй, не выпутаться...

В те редкие дни, когда человек бывает по-настоящему счастлив, он может жить как птица, бездумно и очень часто не замечает этих прекрасных дней. Только потом, когда они уже позади, становится ясной их настоящая цена. Иногда меня даже пугало слишком уж определенное и потому немного нарочитое ощущение счастья. Но, может быть, причина была в том, что я знал: долго так продолжаться не может, все висит на тоненькой ниточке? Во всяком случае, причина моих сомнений была не в Весте. Из нас двоих именно она была, как мне теперь кажется, по-настоящему счастлива и делала все от нее зависящее, чтобы выглядеть обычной, нормальной женщиной.

Она не выносила даже случайного намека на прошлое, на все то, что было до того дня, когда лодка перевернулась. У нее нет прошлого, или, во всяком случае, она не желала о нем знать. Она встретила человека, которого полюбила, и все остальное перед этим фактом просто потеряло для нее значение. Мужская логика устроена иначе. Или это только мой мозг не мог смириться с предложенными ему несколько искусственными правилами игры? Может быть, мне нужно было ей просто помочь? Но я не мог ничего забыть. Не мог заставить себя не думать. Не искать ответов на бесчисленные загадки. Не для меня была эта птичья жизнь! И может быть, она это чувствовала, знала? Конечно, знала. Она знала обо мне все...

Когда же это началось? Когда впервые она решила нарушить написанные правила, оберегавшие наш хрупкий стеклянный покой? Я хорошо помню этот день... Воскресенье. Мне не надо было рано вставать. Я нежился в постели и слушал, как на кухне Веста, что-то напевая, готовит кофе. Его острый пряный аромат проник в комнату и окончательно прогнал остатки сна. Я не спешил вставать, зная, что кофе, как обычно, будет мне подан в постель... Я прожил на свете почти сорок лет, и никогда не подавал мне по утрам в постель кофе. Я читал об этом, видел в кино, но самому испытать этого особого блаженства раньше мне не приходилось.

Я заранее смаковал предстоящий торжественный ритуал: дверь на кухню запахнется, войдет Веста в своем розовом полупрозрачном халатике, который я подарил ей всего неделю назад. Она войдет, улыбаясь, глаза ее будут радостно блестеть. Она всегда улыбается, когда знает, что делает что-нибудь приятное для меня. Любой пустяк ее радует... За всю долгую семейную жизнь я так и не сумел объяснить жене, как именно следует готовить кофе, чтобы сохранить полностью его аромат и вкус. Весте не понадобилось ничего объяснять. Она знала наперед все мои вкусы. Она умела так поджарить омлет на завтрак, чтобы на нем не было корочки. Жене это не удава-

лось ни разу. Сама Веста была удивительно равнодушна к еде. Подозреваю, что в мое отсутствие она вообще не ела. Но даже в этом ей ни разу не изменил такт, и, когда мы вместе садились за стол, она всегда ела хотя и немного, но с видимым удовольствием, стараясь своим равнодушием к пище не испортить мне аппетит.

Квартира за те две недели, что мы жили в ней вместе, разительно изменилась. Иногда меня даже раздражала чрезмерная аккуратность Весты. Она словно старалась стереть самую память о том запустении и хаосе, который царил здесь в день нашего первого приезда. Мебель, пол, стекла на окнах — все теперь сверкало и лоснилось, она ухитрялась наводить этот порядок совершенно незаметно, я ни разу не застал ее с тряпкой в руках. Весте нравилось играть роль хорошей хозяйки. Но в это утро она была излишне рассеянной. День выдался для глубокой осени на редкость погожий, и я предложил поехать за город. Сначала она обрадовалась, побежала укладывать корзинку для уик-энда, но вдруг вернулась через несколько минут с посерьезневшим и каким-то отстраненным лицом.

— Ты знаешь, Глен, у меня такое предчувствие, что нам не следует сегодня уезжать из дому. Что-то должно произойти, что-то очень важное.

Ох уж эти мне предчувствия! Они никогда ее не обманывали и именно поэтому вызывали у меня странный глухой протест, словно я чувствовал, как кто-то извне пытается навязать нам свою волю. Вот и сегодня я почувствовал раздражение и настоял на своем. Веста не стала спорить. В город мы вернулись довольно поздно, часов в шесть. Всю обратную дорогу Веста молчала, но перед самым поворотом на нашу улицу вдруг спросила:

— Скажи, Глен, как ты теперь относишься к Артаму?

Вопрос прозвучал для меня неожиданно. С самого нашего совместного визита, понимая, наверно, что всякое напоминание о Гвельтове с ее стороны будет для меня неприятно, Веста словно забыла о нем, и вдруг этот вопрос.

— Нормально отношусь. Он мой сотрудник. Хороший сотрудник. Почему ты спросила?

— Потому что сегодня... — Она замолчала, и я наконец заметил, какая мучительная борьба происходит внутри ее. — Мне очень не хочется об этом говорить. Но сегодня у него должны произойти неприятности, и я не знаю, как ты отнесешься к этому. Если я тебе не скажу сейчас... — Она окончательно запуталась.

— А ты скажи. — Я остановил машину, и последняя фраза прозвучала у меня нервно, почти зло. Это подтолкнуло ее, и она вдруг спросила:

— Ты запер пробы в сейфе? Артам знает шифр?

Я вообще ни разу не говорил ей о пробах. С памятного дня разговора в машине мы старательно избегали подобной темы.

— Мне кажется, ты должен отпустить их обратно в море. Иначе произойдет несчастье...

Она наверняка знала, какое впечатление произведут на меня ее слова. Она сидела, вся сжавшись, стиснув ручку сиденья. Я видел, как побелели ее пальцы.

— Я не должна была этого говорить, они просто уверены, что я не скажу. Но если с Артамом, а потом с тобой произойдет что-нибудь...

— Довольно меня запугивать, я сам знаю, что мне делать!

Мы молчали всю оставшуюся дорогу. Молча поднялись на пятый этаж, молча открыли дверь... Я думал о том, что в металлической коробке сейфа лежат сейчас живые частицы огромного монстра, расположившегося где-то на дне залива. И конечно, что-то должно было случиться. Что-то должно было быть предпринято для возвращения отделенной части колонии. Странно, что мне вообще удалось взять эту пробу. Может быть, в тот момент было подходящее время. Или место. Возможно, они попросту спали... Кто знает? Как бы там ни было, отделенную часть теперь хотели вернуть обратно. Гвельтов... Да. Он знает шифр. И сделает все от него зависящее, чтобы не отдать им пробы. И вот тогда действительно может произойти несчастье! Больше я не раздумывал ни минуты. Уже в прихожей услышал, как Веста сказала:

— Я поеду с тобой!

— Спасибо. Не нужно. — Ее не остановил даже мой оскорбительно враждебный тон.

— Один ты не справишься. Я поеду с тобой!

Времени на споры не было. Но только ли поэтому я согласился? Скорее всего мне захотелось раз и навсегда выяснить, на чьей она стороне, как будто я имел право в этом сомневаться...

В институте света не было даже перед подъездом, где всегда горел фонарь, чтобы дежурный швейцар мог видеть неурочных посетителей. Я схватил фонарик, который, к счастью, возил в машине, и толкнул дверь.

— Подожди минуту. Еще не время... — Не обратив внимания на слова Весты, почти не слыша ее, я дергал заклинившуюся ручку.

— Проклятый замок! Сколько раз собирался смазать... Выйду через твою дверь! Подвинься.

— Я просила тебя подождать... Но как хочешь...

Ручка вдруг поддалась, и от неожиданности я едва не вывалился наружу.

В тот момент мне некогда было раздумывать над странным поведением двери, я бросился к институту. Парадная дверь оказалась незапертой, и едва я захлопнул ее за собой, как оказался в полной темноте. Не зажигая фонарика, медленно, на ощупь я двинулся к лестнице, стараясь уловить малейший шорох и держа наготове фонарик — единственное свое оружие. Только теперь я почувствовал всю сложность своего предприятия. Огромное, погруженное в темноту здание жило своей собственной жизнью. С верхнего этажа доносился глухой ритмичный шум, какой-то скрип, потом там словно бы загудел пылесос.

В темноте этот звук казался особенно стройным. Я уже дошел до лестницы и, все еще не зажигая фонарика, медленно стал подниматься. И тут, ударившись плечом о невидимый выступ перил, я выронил фонарик. Звук его падения показался мне грохотом. Почти сразу мне удалось нащупать выпавший фонарь.

Я не знал, разбилась ли лампочка, и не хотел проверять. Меня могли поджидать на лестничной площадке. В этой крошечной тьме я был совершенно беспомощен. Но, покрываясь холодным потом, я упрямо шел по лестнице вверх на четвертый этаж. Институт словно вымер. Наконец я добрался до двери своей лаборатории. Я осторожно провел рукой по филенке и вздрогнул: в двери торчал ключ. Ни у меня, ни у Гвельтова своего ключа не было. Ключ всегда хранился внизу у привратника, и в воскресенье без моего разрешения его никому не могли выдать, следовательно, что-то случилось. Теперь в этом не было ни малейшего сомнения, и страх, преследовавший меня все это время, внезапно прошел. Сейчас я испытывал только ожесточение и какой-то лихорадочный подъем.

Я решительно рванул дверь и сразу же включил фонарик, но лампочка не зажглась, и в первую секунду я ничего не увидел. Однако из окна с улицы проникал рассеянный свет от уличных фонарей, и в темноте довольно отчетливо проступали очертания предметов. Первое, что бросилось мне в глаза, был развороченный сейф. В углу лежала скорченная человеческая фигура, рядом с ней на полу расплзлось темное пятно, более темное, чем окружающий мрак.

Первым моим побуждением было броситься к лежащему на полу человеку, но меня остановил шорох у двери за моей спиной. Я резко обернулся. Глаза уже привыкли к полумраку, и теперь я видел все совершенно отчетливо. Высокий человек в плаще с чемоданчиком в одной руке медленно поднимал другую руку. Я уже знал, для чего. Нас разделяло метра два, но мне казалось, что даже в темноте я отчетливо вижу черный зрачок пистолета. Сухой щелкнул курок. Выстрела не последовало. Стоящий у двери грязно выругался. Пистолет щелкнул еще раз. В следующий момент, широко замахнувшись, он прыгнул на меня и словно споткнулся о невидимую преграду. Чемодан и оружие вылетели из его рук, и со всего размаха он рухнул на пол. Грохот от падения тяжелого тела отдался долгим, постепенным замирающим эхом.

Я стоял словно пригвожденный к месту, не смея шевельнуться. У моих ног валялся выпавший у налетчика пистолет. Я нагнулся, поднял его и медленно попятился. Человек на полу не шевелился. Рука моя совершенно инстинктивно потянулась к выключателю настольной лампы. Я не ожидал, что она загорится, но лампочка совершенно неожиданно вспыхнула и залила лабораторию ослепительным мертвенным светом. Как только глаза привыкли к этому новому резкому свету, я понял, что лежащий у сейфа человек не Гвельтов. То, что он мертв, я понял еще раньше. Вокруг его головы расплзалось широкое пятно крови. Напавший на меня по-прежнему не шевелился. На всякий случай я навел на него пистолет, и только теперь увидел, что это вовсе не пистолет... Предмет напоминал скорее детский пенал с ручкой и кнопкой на нем. Часть, служившая стволом, оказалась наглухо закрытой. Вообще этот странный предмет не имел ни одного отверстия. Разглядывая его, боковым зрением я напряженно следил за распростертой передо мной фигурой. Налетчик по-прежнему не шевелился. Что с ним произошло, какая сила остановила его? Видимо, меня ожидала участь того,

кто лежал у сейфа с разможенной головой. Было похоже, что сейф взорвали или выжгли автогенном. Я не слишком разбираюсь в этих вещах. Дверцу с чудовищной силой выдернули из петель, и теперь она висела сбоку, приоткрыв пустое нутро сейфа...

Только теперь мой взгляд упал на выпавший у налетчика чемоданчик. От удара крышка отскочила, и по полу рассыпались какие-то предметы. И сразу же среди них я увидел наглухо закрытый контейнер, в котором у нас хранились последние пробы. Так вот что ему здесь было нужно! Но они не успели, не все еще потеряно! Мысли лихорадочно теснились в моей голове. Они наверняка не ожидали такого нелепого конца. Что там с ним случилось? Неважно. Важно, что пробы целы. Если мне удастся сейчас же вывезти их из города, то там, в столице, я привлеку к ним внимание ученых и властей. Вот в чем ценность наших проб! Конечно, мне попытаются помешать. Но что бы со мной ни случилось, я все же попробую.

Осторожно, словно боясь разбудить лежащего на полу человека, я медленно двинулся к чемоданчику. Едва я сунул в него выкатившийся контейнер с пробами и защелкнул крышку, как на столе требовательно зазвонил телефон. Неизвестно почему, вместо того, чтобы бежать от всего этого ужаса, я покорно прошел к столу и снял трубку.

— Здравствуйте, — произнес незнакомый спокойный голос.

Ничего нелепей этого «здравствуйте» посреди развороченной, залитой кровью лаборатории я, пожалуй, не слышал. Я хотел повесить трубку, но голос произнес:

— Подождите. Это есть очень важно. Вы неправильно понимаете ситуацию.

Странность голоса, звучащего в трубке, была не в исковерканном построении фраз. Даже не в интонации. В чем-то еще, я не понимал, в чем именно, и, возможно, поэтому не вешал трубку.

— Все, что произошло, но есть наша вина... Другой человек... Мы не понимаем, зачем он хотел взять себе то, что вы называете «Альфой». Человек, который работает с вами, не давал. Тогда они открыли сейф, хотели взять силой.

Долгое-долгое молчание. Потом вопрос:

— Вы нас понимаете?

— С кем я говорю?

— Это не есть важно. Важно вернуть «Альфу», иначе люди, которые были здесь, убьют вас и захватят «Альфую».

— Зачем она им?

— «Альфа» останавливает энергию. Если есть «Альфа», можно не бояться бомбы. Можно начать войну... То, что вы нашли на полу, имеет быть таким оружием, можете пробовать. Выберите предмет, большой энергией обладающий внутри себя. Аккумулятор, бомба, нагретая печка, человек, пробуйте.

Он говорил еще долго, а я покрывался холодным потом и не знал, что именно придает мне мужества продолжать этот разговор. Странность голоса, звучащего в трубке, была не в построении фраз, не в смысле слов. Теперь я понял, в чем именно. Если взять магнитофонную пленку с записью речи, произнесенной одним человеком, а потом разрезать ее на части,

на отдельные слова и эти слова склеить в другой последовательности, таким способом, наверно, можно построить любую фразу. Вот только интонация голоса не будет соответствовать тому, о чем говорится... Именно это я сейчас и слушал. Со мной разговаривал не человек.

Когда голос в трубке наконец смолк, я осторожно положил ее на рычаг, словно она была стеклянной, и не спеша пошел к выходу. Все вдруг стало незначительным, мелким — засады, выстрелы из-за угла, даже смерть отдельных людей. Какое-то время они не будут знать, что именно я задумал. Они сказали: можно воспользоваться канализацией, но лучше всего вылить пробы обратно в море... К морю придется проехать. Не сразу, конечно, не сразу... Об остальном я старался не думать. Человек в лаборатории мог быть не один. Кто-то должен был страховать его снаружи. Черный трубчатый предмет с красной кнопкой все еще лежал на столе, там, где я положил его, когда нагнулся за чемоданчиком. Они сказали, оружие? Возможно, оно пригодится. Вподне возможно... Коробка легко скользнула в карман плаща и легла там удобно и незаметно. В последний раз я окинул взглядом лабораторию, взял чемоданчик с пробами, выключил свет и неторопливо пошел к лестнице.

Веста сидела в машине, свернувшись калачиком и прислонившись головой к спинке сиденья. Похоже, она спала... Когда я открыл дверцу, она шевельнулась, что-то пробормотала и вновь откинулась на спинку. Пусть спит, это сейчас самое лучшее, не надо ничего объяснять. Я кинул чемодан на заднее сиденье, завел мотор и медленно поехал вдоль пустой улицы.

Миллионы лет летала в космосе пыль. В тонких, но прочных оболочках вместе с бесчисленными пылинками спали их споры... Миллионы лет назад на Землю упал метеорит, падающая звезда, одна из бесчисленного множества... Она упала в земной океан, где все условия подошли для развития жизни. В благоприятной среде споры раскрылись, и на Земле появились ее первые, самые древние жители, основоположники потока эволюции, родоначальники бесчисленных живых форм и, в сущности, наши предки... Вот кто они такие, эти далекие от нас амебы... Но, кроме этого, они сохранили и свой собственный вид. Их древнейший род приспособился к самым жестким условиям существования. Им нипочем было даже леденящее дыхание космоса. Бесконечную череду лет, пока их братья на земной поверхности изменялись и приспособлялись к внешним условиям, они дремали в глубинах океана, словно дожидаясь своего часа... Разум... Был ли он свойственен их колониям всегда, или возник лишь здесь, на Земле, в минуту грозной опасности?

Этого я не узнал, да теперь это было не так уж и важно. Веста была права. Они поднялись из глубин потому, что даже туда, на тысячи метров вглубь, подводные течения принесли наконец грязь, которой люди обильно посыпали свою планету. В конце концов это должно было случиться. Слишком долго человек «боролся» с природой, забыв, что она его колыбель. Мы перешли грань, за которой пассивное сопротивление окружающей среды становится активным. Мы говорили, что приро-

да — это сложный живой организм, но на самом деле не понимали толком, что это значит. Во всяком случае, не знали, что иногда это следует понимать буквально...

Они пытались объяснить мне, что дальнейшее загрязнение Мирового океана грозит гибелью всему живому на нашей планете, словно от меня что-то зависело, словно я мог остановить безумцев, сбрасывающих в океан тысячи контейнеров с ядовитыми газами и радиоактивными отходами, сотни тысяч тонн пестицидов, миллионы тонн нефти... Они почти ничего не знали о нашем общественном устройстве, о том, что воля одного-единственного человека значит в этом мире так мало. Что даже усилия правительства больших и могучих государств не всегда в состоянии справиться с инерцией однажды запущенной машины технического прогресса.

Сейчас они еще слишком мало знали о нас и хотели узнать больше... В чем-то они были потрясающе наивны, в чем-то их мудрость превосходила мой уровень понимания. Так, например, я не смог уяснить, на какой энергии основано их существование. Это был какой-то новый, неизвестный человечеству принцип. Они умели тормозить движение электронов и использовать выделенную при этом энергию для своих нужд. Вся их колония существовала внутри силового кокона неизвестной нам энергии. При желании они могли расширить его границы. Я не смог выяснить, как далеко... Речь, видимо, шла о десятках километров. Именно эту энергию, по их словам, и собирались использовать люди, пытавшиеся похитить «Альфу». Так ли это? Не они ли сами через своих «посредников» устроили нападение на лабораторию?

Откуда мне знать, правду ли они говорят? Кто вообще может это знать? Слова о сохранении среды могут быть всего лишь маскировкой. Что, если требование очистить окружающую среду, перестать загрязнять океан будет лишь началом? Кто может поручиться, что им не понадобится от нас нечто большее? Дополнительное пространство, например, для своего размножения, специальные, искусственно созданные водоемы, кто знает, как далеко зайдут их притязания, если они смогут подкрепить их реальной угрозой гибели миллионов людей?.. Что, если перед нами коварный умный враг? Кто поручится, что с такой же легкостью, с какой разлагали использованные мной во время опыта яды, они не смогут синтезировать собственные, еще более страшные?..

Я остановился в переулке напротив дома, в котором мы жили с Вестой. Кто знает, может быть, в последний раз я здесь стоял? Если хотя бы часть моих опасений справедлива — мне не дадут высочить из города... Несколько секунд я не хотел ее будить. Только разглядывал бледное, без кровинки, лицо, словно старался запомнить его навсегда.

Была ли она до конца искренна со мной? Даже в этом я сомневался теперь... Ее поведение можно было истолковать двояко. Может, она хотела защитить меня, а может, старалась помешать... Как знать?.. Веста застонала и задвигалась во сне... Пора прощаться. Я не знаю, вернусь ли, во всяком случае, я сдержал слово: мы были вместе до самого последнего дня. Сегодня он наступил, этот последний день. Я думал об этом

без горечи, отрешенно. Почти равнодушно. Наконец, видимо, почувствовав мой взгляд, Веста открыла глаза. Они не походили на глаза только что проснувшегося человека. В них было и понимание и боль — все сразу...

— Ты решил уехать?

Как всегда, она попала в самую точку. Я не стал ничего отвечать, лишь молча кивнул головой.

— Я знала, что так будет. Я их предупреждала. Но они мне больше не верят. Они думали, я не вмешаюсь, что им удастся меня заставить...

О чем она говорит? Я не в силах был этого понять. Или не хотел? Слишком много вопросов. Но я уже все решил и не нуждался в ответах.

— Я хочу, чтобы ты вышла. Я сейчас уеду. Постараюсь вернуться.

— Я знаю. Ты постараешься вернуться... Постараешься вывезти из города эти проклятые пробы, и тебя убьют по дороге. Я знаю...

— Не такая уж ты провидица...

— Почему ты не хочешь, чтобы нас оставили в покое? Почему ты не отдал им эти пробы? Тебе позволили взять их на время, верни то, что принадлежит им!

— Сейчас это единственный шанс у меня и, может быть, у всех нас. Никто не станет меня слушать. Я ничего не сумею объяснить без этого чемоданчика! Ты же все понимаешь, Веста!

— А если тебя выслушают, поверят, что тогда? Что это изменит?

— Я не знаю. Не хочу знать. У каждого из нас свой долг. Я обязан дать людям шанс. Они имеют на это право.

— Шанс для войны... Ну почему, почему вы всегда мыслите категориями, почему они преобладают надо всем прочим: война, враг, обман... Ты даже мне не веришь...

— Иногда я не верю даже себе. Одно я знаю: мы наконец достучались. Достучались... Все имеет конец. Терпение природы не безгранично. Она породила нас, и она же нашла способ противостоять нам, когда мы перешли предел. И все же люди имеют право хотя бы узнать об этом, пока еще не поздно, пока можно что-то изменить.

— Значит, ты все решил?

— Да.

— Ну так поезжай, чего ты медлишь?

— Я жду, когда ты выйдешь.

— Нет, мой милый. Когда-то ты сказал, что мы будем вместе до конца. До самого конца. Вспомни об этом.

— Я помню. Но ты все равно не сможешь мне помешать.

— Я и не собираюсь. Я знаю, что ничего не смогу изменить.

Я не имел права рисковать ее жизнью и знал, что, если понадобится, силой вытолкну ее из машины. Я повернулся, собираясь осуществить свое намерение.

— Прости, но у меня нет времени спорить. — Я протянул руку и не смог прикоснуться к ней, словно кто-то натянул

в кабине между нами упругую непробиваемую пленку. Холодная странная усмешка тронула ее губы.

— Ты все еще думаешь, что тот человек в лаборатории попросту споткнулся? — Она помолчала. — Никто не виноват, что ты выбрал русалку. Мы поедем вместе и вместе до конца разделим все, что нас ждет в дороге. Я пыталась не вмешиваться, старалась забыть обо всем, чему меня научили там, в глубине, берегла наши дни. Их ведь было так мало, — сказала она с горечью. — Теперь мне уже нечего беречь... Ты не сможешь забыть. Ты и раньше меня боялся, я знаю... А теперь поезжай...

Я молча повиновался. Мотор завелся легко, и машина понеслась по пустынной дороге прочь от центра города, от моря, к началу большой трассы, ведущей в столицу, к людям.

Машина вела себя странно. Стоило прикоснуться к педали акселератора, как стрелка спидометра проскакивала цифру во семьдесят. Впечатление было такое, словно кто-то вставил под капот дополнительный мотор. Мне все осточертело, и, не задумываясь, я гнал машину вперед, стараясь поскорей вырваться из города, как будто это он был виноват во всем, как будто в нем сидела невидимая и неосязаемая зараза, постепенно отнимавшая у меня Весту... Иногда, запрятанные где-то в глубине сознания, всплывали непрошенные мысли... Значит, напавший на меня человек не споткнулся... Как она это сделала?

Скорее всего он не был человеком. Странное оружие подобрал я на полу... Это был «посредник» — так, кажется, называли они искусственных полулюдей? Но ведь и Веста тоже...

Я спохватился слишком поздно. Ее лицо исказила гримаса боли: «Она знает все, о чем я думаю. Это трудно выдержать. Но раньше я этого не замечал — не замечал потому, что мне нечего было скрывать от нее. Наверно, люди еще не готовы к такому уровню общения, может быть, когда-нибудь, через тысячу лет...»

Далеко позади над морем занимался хмурый рассвет. Мы уже миновали центр города и приближались к окраине. Где-то здесь, перед выездом на загородное шоссе, должен был быть полицейский дорожный пост. Я толком не знал, кого мне следует опасаться. Кто были те люди, которые пытались похитить «Альфу»? Куда девался Гвельтов? Жив ли он?

— Это были люди из военной разведки, — как всегда, неожиданно сказала Веста. — Они давно заинтересовались тем, что происходит в порту. С того дня, как чужая атомная подлодка приходила сюда с визитом «дружбы».

Я хорошо помню эту историю. В газетах тогда поднялась шумиха, сразу же прекращенная невидимой, но могучей рукой. Однако суть происшествия газеты успели сообщить... Кажется, все атомные заряды, бывшие на борту лодки, и топливо для реактора превратились в обычный свинец. До сих пор я считал эти сообщения газетной «уткой».

— В тот момент, когда вы с Гвельтовым отбирали пробы в заинтересовавшем их районе, вы попали под наблюдение.

Какое-то время они не вмешивались, но недолго, как видишь.

— Что произошло в лаборатории? Где Гвельтов?

— Они хотели захватить ваши пробы с «Альфой». Гвельтов поднял тревогу, потом там появился посредник, которого ты видел. Гвельтов жив. Пока жив... А теперь у светофора поверни направо. Тебя уже ищут. Дорожная полиция по радио объявила розыск.

Сам пост мы проехали спокойно. Однако через несколько километров я увидел стоящий на боковой развилке «джип» военного образца. Возможно, он ждал здесь вовсе не нас. Я решил не рисковать и до отказа вдавил педаль акселератора. Мотор басовито загудел, и машину буквально швырнуло вперед. Как только я прибавил скорости, «джип» ринулся нам наперерез. Однако водитель не учел мощности нашего мотора. Мы оказались у перекрестка на несколько секунд раньше. Не сумев перекрыть дорогу, «джип» оказался у нас в хвосте. Расстояние между машинами быстро увеличивалось. В заднем зеркале я увидел, что «джип» остановился. Почти сразу прозвучал выстрел, и я услышал характерный визжащий звук, который бывает, если пуля ударит в препятствие и рикошетом уйдет в сторону. Однако самого удара не слышал. Не было и второго выстрела. Через полминуты «джип» превратился в едва различимое пятнышко. Мы неслись по пустому шоссе в полном одиночестве.

— Придется остановиться и осмотреть машину. Пуля могла ударить в покрышку.

— Не нужно. Пуля вообще не коснулась машины.

— Но я же слышал, как она отрикошетила!

— Это я ее остановила.

Я даже не удивился. Только посмотрел на Весту. Она дышала тяжело, и я мельком увидел у нее на лице гримасу боли, исчезнувшую сразу же, как только я на нее посмотрел.

— Может быть, ты объяснишь, как тебе это удается?

— Нужно представить себе оболочку вокруг машины. Очень плотную, гладкую. Ее не видно, но пуля не может пройти... Извини, мне трудно говорить, слишком большое усилие. Это сейчас пройдет. Ты не обращай внимания. Самое трудное впереди. Они вызвали вертолет, энергии остается все меньше, и я не знаю, сумею ли тебе помочь.

О какой энергии она говорила? Я почувствовал, что за этим скрывается что-то очень важное, но в ту минуту все мои мысли приковал к себе вертолет. Если Веста права, если те, кто за нами охотился, действительно вызвали вертолет, значит, встреча с «джипом» не случайна. Нас ждали и сделают все, чтобы остановить.

Еще минут десять мы мчались по шоссе беспрепятственно. Я взглянул на километровый столб, мелькнувший за окном. Двадцать пять километров отделяло машину от окраины города. Еще километров пятнадцать-двадцать, и прямая лента шоссе, на которой мы видны как на ладони, упрется в уездный центр, там появится шанс затеряться в потоке транспорта. Еще минут восемь на такой скорости, и они не успеют нас перехватить.

Но уже через пару минут я услышал над головой характерный клекот авиационного мотора. И почти сразу над нашими головами застрочил пулемет. Звук был такой, словно кто-то ударил по куску железа огромным молотом. Пули с визгом шлепнули в асфальт впереди машины. Крупнокалиберные разрывные пули взметнули над дорогой облачка разрывов. Одного попадания было достаточно, чтобы с нами покончить... И тут я увидел, как нас накрыла целая очередь. Машина вздрогнула, словно на нее обрушился град камней, и... вокруг нас выросло кольцо разрывов. Одновременно глухо вскрикнула Веста. Я увидел, что ее тело бессильно сползает с сиденья. Я резко нажал на тормоз. Вертолет проскочил над нами, и вихрь пулевых разрывов унесся по шоссе вперед. Я нагнулся к Весте. Она прошептала:

— Я больше не могу их держать... Нет сил... Излучатель... У тебя должен быть излучатель...

Ее голова бессильно откинулась. Глаза закрылись. И тут я вновь услышал клекот вертолетного мотора. Вертолет возвращался. Эти люди хотели нас убить. Может быть, они уже убили Весту... Эта мысль обожгла меня, наполнила холодной яростью. Я распахнул дверцу, вытянул навстречу приближавшемуся вертолету руку с излучателем и нажал кнопку. Ничего не произошло. Только стало удивительно тихо. Лишь через несколько секунд я понял, что пулемет захлебнулся и мотор вертолета уже не работает, хотя винт продолжал вращаться. Машина, потеряв управление, скользнула в сторону и круто пошла к земле. Она пронеслась над невысокими холмами справа от шоссе и скрылась за ними. Через минуту над холмами показался столб жирного, коптящего дыма.

Я стоял неподвижно, прислонившись к машине, и боялся посмотреть на Весту. Предчувствие неминуемой беды не покидало меня с момента отъезда. Наконец я взял себя в руки и подошел к Весте. Ее тело обмякло, голова бессильно прислонилась к подушке сиденья. Я усадил ее ровнее, словно это могло помочь. Моя рука торопливо и бесцельно бегала по ее запястью, пытаюсь нащупать пульс. Его не было. Я не знал, был ли у нее пульс раньше, вообще должен ли он у нее быть. Может быть, от этой мысли беспорядочные факты вдруг выстроились в моей голове в стройную цепочку. Я вспомнил, что в моих лабораторных опытах бактерии использовали избыточную энергию, которую они должны были получать извне. Вспомнил и телефонный разговор, во время которого узнал, что их колония в море существовала внутри силового, искусственно созданного кокона, что в случае необходимости они могли расширять его границы, но не очень далеко... Нетрудно догадаться, что Веста не могла существовать без этой дополнительной, получаемой извне энергии. Но если все это так, то Веста наверняка об этом знала... Знала и все же настояла, чтобы я взял ее с собой. Наверно, какой-то запас этой своей жизненной энергии они могли накапливать внутри себя, но не слишком много... Весте пришлось дважды израсходовать огромную порцию на создание защитного поля вокруг машины, вот откуда ее слова о том, что энергия кончается...

Я все еще продолжал встряхивать Весту и боялся, что все

мои усилия напрасны, что Весте уже ничто не поможет. Вдруг она открыла глаза и застонала. Теперь я знал, что надо делать. Я развернул машину и понесся обратно к городу. Покрышки визжали, мотор обиженно и монотонно ревел. Чтобы ей легче было дышать, я слегка приоткрыл стекло, и холодный воздух со свистом врвался в машину. Из-за шума я не сразу понял, что Веста что-то пытается сказать, и только по движению ее губ разобрал, что она просит остановить машину. По моим расчетам, мы уже вернулись в район, где их жизненный поле снова должно было действовать, и я нажал на тормоз. Веста сидела совершенно прямо и смотрела на меня широко открытыми глазами. Я никогда не видел у нее такого широкого, открытого от всего взгляда.

— Ты себя не вини. Это я так решила. Решила, что так будет лучше. Они тоже не виноваты. Они не знали, что человеку, кроме пищи и воздуха, нужно что-то еще. Они и сейчас не совсем понимают нас. Я думала, что буду с тобой еще несколько дней, что сумею тебя защитить, помочь. Но все получилось иначе. Я верю: ты сумеешь справиться с пришедшей бедой, найдешь выход, они тоже тебе верят... Не вини их за все, что случилось со мной. Они лишь подарили мне несколько месяцев дополнительной жизни. За это время я успела узнать и полюбить тебя... Не их вина, что продолжения быть не могло. Они не предвидели такого конца. Потому, что это все наше, человеческое, и вряд ли они понимают, что такое любовь... Поцелуй меня... — вдруг попросила Веста. Я крепко стиснул ее в объятиях и прижался к ее холодным твердым губам. В это мгновение потеряло значение все, что разделило нас в этот последний день. Только ее со мной больше уже не было.

К намеченному месту я добрался глубокой ночью. Целый день, укрывшись в придорожном лесу, я ждал, пока стемнеет. С воздуха машина была видна как на ладони. Уничтожив вертолет, я вряд ли мог рассчитывать на снисхождение. Я и не надеялся на него, твердо решив добраться до намеченного места. Добраться во что бы то ни стало. Меня искали на пути к столице, а я повернул обратно, к городу. Возможно, это мне и помогло.

С момента гибели Весты все мои поступки противоречили обычной человеческой логике, и тем не менее они не казались мне странными. Почему-то я был уверен, что именно этого хотела бы и сама Веста... Наконец в сумерках, крадучись, с потушенными фарами, мне удалось выбраться на заброшенную дорогу, ведущую к морю.

Через некоторое время я остановил машину. Мне не понадобилось ничего искать. Я не смог бы объяснить почему, просто знал, что это здесь, что ехать дальше не надо. Я приткнул машину к самому обрыву, отыскал фонарик и осторожно, словно боялся причинить ей боль, взял на руки тело Весты. Оно было легким и странно податливым. Прошло уже много часов, но трупного окоченения так и не наступило.

Я зажег фонарик и медленно начал спускаться с обрыва.

И вдруг подумал: «Что-то я забыл. Что-то очень важное... Ах, да, пробы, пробы, из-за которых все началось. Веста просила меня вернуть их, а я решил проверить, на чьей она стороне... Не было ли это самым обыкновенным предательством? Не предал ли я ее еще раз, когда в отчаянии она не позволила мне высадить ее из машины, зная наперед все, что случится. Одно дело поймать русалку, другое дело жить с ней изо дня в день. Возможно, в той грустной сказке, что я рассказал Весте в наш первый день, прав был совсем не царевич...»

Даже сейчас я все еще пытался оправдаться хотя бы перед собой, ведь перед ней мне не удастся оправдаться уже никогда... Все, что я могу теперь сделать, — выполнить ее последнюю просьбу. Я вернулся к машине, вынул из чемодана контейнер. Потом снова взял ее на руки. Тропинка шла круто вниз, я все крепче прижимал Весту к себе, не чувствуя почти ничего — ни страха, ни боли. Ничего не осталось, только деловитая сосредоточенность. Наверно, именно она помогает людям справиться с большим горем. Интенсивная деятельность, связанная со сложными обрядами похорон, призвана отвлекать людей от причины, ее вызвавшей.

Тропинка кончилась, упершись в узкую полосу каменистого пляжа. Здесь, сразу же буквально в нескольких метрах от берега, начиналась большая глубина. Я вошел в море по пояс, не замечая холодных прикосновений черной морской воды. Волн не было. Море казалось чистым и гладким. Сюда, к берегу, из города не долетало ни звука. Только где-то очень далеко и печально два раза прогудела сирена буксира. Я осторожно опустил Весту в воду и разжал руки. Я даже не посмел поцеловать ее еще раз на прощанье. Вода сразу же сомкнулась над ее лицом, и течение легко понесло ее прочь от берега, туда, где начиналась глубина. Затем, не зажигая фонаря, я отвинтил крышку контейнера и опрокинул его. Тихо, почти без всплеска, море приняло свою частичку. Посмотрев последний раз в черную, непроницаемую воду, я повернулся и медленно пошел обратно наверх, туда, где слышались трели полицейских свистков и вспыхивали мигающие фонари патрульных машин. Погоня в конце концов настигла меня, но сейчас это уже не имело значения. Больше я не собирался от них скрываться. Начав подъем, я задержался в последний раз. Нащупал в кармане пиджака коробку излучателя, достал его и, широко размахнувшись, бросил в море. «Забирайте все, — подумал я спокойно. — Наши человеческие проблемы мы будем решать по-своему».

Поднимался я медленно. Обрыв в этом месте был очень крутым, да и торопиться мне не хотелось. Наверху скопилось штук десять машин. Установили даже мегафон и что-то вроде прожекторной установки. Очевидно, они придали слишком большое значение истории с вертолетом и теперь явно переоценивали мою персону.

Вполне возможно, они начнут стрелять прежде, чем я поднимусь наверх. Но после того как я простился с Вестой, мной владело полное безразличие ко всему происходящему вокруг.

Все же я испытывал некоторую горечь от мысли, что люди устраивают на меня облаву как на какого-то чужака... «А ты и есть чужак. Кажется, все-таки случилось то, чего они добились. Ты очутился по другую сторону барьера, во вражеском лагере, хотя и не хотел этого...» Эта мысль отрезвила меня. Во всяком случае, прогнала сонное безразличие, с которым я поднимался навстречу наведенным на меня автоматам.

— Сдавайтесь! — надрывался мегафон наверху. — Ваше положение совершенно безнадежно, вы окружены! Поднимите руки!

«Дурацкое требование, — с раздражением подумал я. — Могли бы понять, что идти по такому крутому склону с поднятыми руками невозможно». Я продолжал подниматься. Каждую секунду мог прозвучать выстрел. У стоявших за чертой света людей нервы могли не выдержать.

Голос говорившего в мегафон человека сорвался, а стоявшие у обрыва автоматчики при моем приближении попятнулись, стараясь сохранить дистанцию. Я вышел на ровное место и стоял теперь прямо перед ними. Нас разделяла только граница света и темноты. Прожектор бил мне в лицо, слепил и словно бы отделял от людей некой реальной, физически ощутимой стеной.

— Сдавайтесь! — в который раз повторил мегафон. — Если вы не поднимете руки, мы будем стрелять!

Почему я не подчинился? Ведь это казалось так просто и разумно: поднять руки, сдаться. Потом меня арестуют, будет суд. Возможно, мне даже удастся оправдаться и в любом случае я останусь жив... Я подумал, что, если чей-то палец сейчас дрогнет и надавит на спусковой крючок, я буду падать вниз довольно долго. Весь тот путь, который только что проделал. Мое тело не попадет в море, оно разобьется об острые камни, окаймляющие узкую полосу пляжа. Эта мысль была мне почему-то особенно неприятна. И все же я не поднимал рук. Интуитивно я чувствовал, что в эту секунду решается нечто гораздо более значительное, чем моя жизнь, и, кажется, понимал, что именно. Решался вопрос о том, каким будет предстоящий диалог людей с иным разумом. Будет ли он вестись с позиции силы, или же будут найдены какие-то другие формы. Для взаимопонимания прежде всего необходим диалог, а не односторонние категорические требования мегафона — в этом все дело. Я не мог поднять рук, с ужасом понимая, что из всего этого неумолимо следовало и то, что я все же взял на себя предложенную мне миссию и вольно или невольно выступал в эту минуту от их имени. В том самом качестве посредника, которого так боялся совсем недавно...

Тяжелый самолет вывалился из-за туч всего в восьмистах метрах от поверхности моря. И сразу же свечой пошел вверх. Это был рискованный маневр, но пилот блестяще справился с задачей. Внизу, под крыльями, повернулась и застыла на секунду поверхность бухты, и сразу же застрекотали все четыре съемочные камеры, ведущие послынную съемку воды на раз-

ных горизонтах от поверхности до самого дна. Одновременно вспыхнул экран локатора и глубинного инфралота.

Вся эта сложная аппаратура предназначалась для поиска неприятельских подводных лодок. Но сейчас пилота интересовали совсем не они. То, что он искал, было видно даже невооруженным глазом. На глубине примерно ста метров в воде отчетливо просматривалось какое-то уплотнение, похожее на огромную медузу. Оно слегка опалесцировало на экране, словно само излучало радиоволны, но никаких помех в работе локатора не наблюдалось.

Замигал глазок рации, и голос дежурного по полетам произнес:

— Тридцатый. Тридцатый, доложите, что видите?

— Эта штука подо мной. Глубина около ста метров. Могу ли я воспользоваться во время бомбометания подводными осветителями?

Рация не отвечала несколько секунд.

— Осветители применять запрещено, — ответила рация. — Переходите к выполнению основного задания.

Пилот знал, что не ошибется, но все же для верности включил бортовой вычислитель. В таком тонком и небезопасном деле он чувствовал себя уверенней, если автоматика делила с ним ответственность. Кассета с бомбами вывалилась из самолета и раскрылась, выбросив из своего нутра пять продолговатых бочек.

Пять дымных полос потянулись вниз до самой воды, расходясь в разные стороны, образуя кольцо, в центре которого лежала огромная медуза. Бомбы должны были взорваться с интервалом в одну секунду. Но взорвалась почему-то только одна. Через пластиковый колпак кабины пилот видел, как далеко в глубине моря расцвел белый шар разрыва, услышал, как тотчас же застрекотали все съемочные камеры. В этом стрекоте кинокамер прошли все четыре последовавшие за взрывом секунды, отведенные невзорвавшимся бомбам. Потом его вдавила в сиденье многотонная тяжесть, и он перестал видеть что-либо. Перегрузка оказалась гораздо больше той, что должна была возникнуть при выходе из пике. И в этот момент двигатель захлебнулся. Самолет рухнул в море, как раз над тем местом, где только что взорвалась бомба.

Это случилось в девятнадцать часов пятнадцать минут. Над побережьем опускался тихий безоблачный вечер. Многочисленные курортные поселки, санатории, кемпинги расцвелись гирляндами огней. В свете вечерней зари они казались неяркими желтыми точками, усыпавшими берег. Через две минуты после того, как с поверхности моря исчез последний обломок самолета, а пятно керосина расплзлось по всей бухте, эти огни на побережье начали гаснуть один за другим.

Закрытый полицейский грузовик, завывая сиреной и разбрызгивая огни красных и голубых мигалок, пробирался к загородному шоссе. В этот «пиковый» вечерний час шоссе было забито транспортом, и водителю грузовика приходилось то и дело проскакивать перекрестки на красный свет. Молоденький

лейтенант полиции, сидевший рядом с водителем, выполнял задание особой важности. Четверо автоматчиков в фургоне наглухо закрытой машины охраняли государственного преступника, отгороженного от них зарешеченными дверьми. У лейтенанта был приказ доставить этого человека на военную базу, расположенную милях в десяти от города.

Наконец грузовик выбрался в район городских окраин. И тут это случилось. Предметы в поле зрения водителя и лейтенанта потеряли четкие очертания, и хотя так продолжалось не больше секунды, этого оказалось достаточным, чтобы водитель потерял ориентировку.

Какой-то непонятный гул прокатился от города вдоль шоссе. Вслед за этим наступила странная тишина. Вдоль всей магистрали моторы машин перестали работать.

Гвельтов очнулся под вечер. Он лежал дома в своей постели. Большие часы у шкафа показывали шесть часов вечера. Было тихо. Мысли текли ровно, безболезненно, почти равнодушно. Гвельтов отчетливо помнил все, что с ним случилось в лаборатории. Нет, пожалуй, не все. Только до того момента, когда он подошел к сейфу... Потом выстрелы на лестнице, крики, кто-то распахнул дверь, человек, напавший на него, покачнулся и медленно осел на пол. Дальше полный провал, абсолютная немота памяти. И вот он лежит в своей постели. На этот раз налет на лабораторию совершали люди. Кому-то еще понадобилась «Альфа». Надо предупредить Глена, надо его найти и предупредить как можно скорее. Гвельтов рывком привстал и потянулся к телефону, стояшему на тумбочке. В трубке ни малейшего шороха. Телефон не работал. Его могли отключить, обрезать провод. Но откуда такая страшная тишина за окном? Куда девались машины? Гвельтов встал, придерживаясь за стены, подобрался к окну и откинул шторы.

Тучи наконец рассеялись. Красноватое закатное солнце заливало город неестественным розовым светом. Машины, собственно, были, только они стояли на проезжей части плотной, неподвижной массой, словно невидимый светофор вдруг оборвал их безостановочное движение. С восьмого этажа Гвельтов не видел тротуара, но на противоположной стороне улицы группами стояли люди. Почему-то они не шли, как обычно, вечно спешащей и замкнутой толпой. Разбившись на отдельные группы, прохожие что-то оживленно обсуждали. Неестественная тишина стояла в доме, как вода. Не было слышно ни хлопков дверей, ни шума лифта. Один за другим Гвельтов повернул все выключатели: света не было. Он прошел на кухню и отвернул кран. Пил долго и жадно. Потом подставил голову под струю холодной воды. Он готов был предположить все, что угодно: цепочку нелепых совпадений, несчастий, обрушившихся на него, на этот дом, на всю улицу, наконец, но ему и в голову не могли прийти истинные размеры бедствия. На огромной территории в сотни квадратных километров, занятых городом и прилегающими районами, электричество перестало существовать как таковое. Обесточились все провода. Исчез ток в аккумуляторах и батареях. Все системы, где прямо или косвенно

использовалась электроэнергия, перестали работать. Остановились все двигатели внутреннего сгорания, так как системы зажигания в них вышли из строя. Беспомощный и потрясенный город лежал под лучами вечернего кровавого солнца, еще не осознав до конца всю глубину постигшей его катастрофы.

Несколько минут назад, распахнув дверцы, замерли трамваи и троллейбусы. Остановились автобусы. Перестали работать станки на фабриках и заводах. Все системы контроля и управления оказались без тока. Катастрофа подкралась тихо, без шума взрывов, пожаров, без гибели людей. Постепенно и незаметно сгущались тени, солнце уходило за горизонт, исчез кровавый отсвет заката, на смену ему отовсюду поползли серые сумерки. Привычный свет городских фонарей уже не мог остановить их. Глаза города, казалось, потухли навсегда. Казалось, время остановилось и стремительно понеслось вспять, в ту черную пропасть, из которой с таким трудом выбирались люди сотни лет, шаг за шагом, создавая бесчисленные умные машины.

Осторожный стук в дверь заставил его вздрогнуть и отпрянуть от окна. «Те, кто может взломать дверь, вряд ли станут в нее так стучать», — подумал он и прошел в прихожую. В дверях стоял человек в изодранном, залитом кровью костюме. Из расщепленной брови все еще сочилась кровь. Наверно, поэтому Гвельтов не сразу узнал его.

— Вам бы не мешало умыться... — Гвельтов посторонился, пропуская Лонгарова в коридор. — За вами никто не шел?

— Полицейский грузовик, в котором меня везли, разбился. В городе порядочная паника. Им сейчас не до нас. Видел бы ты, что творится на улицах. Не думал, что застану тебя здесь... Мне просто некуда было идти. Дома... В общем, домой мне не хотелось... Они убили Весту... Что-то мы должны сделать, старина... У меня такое ощущение, что именно сейчас мы можем кое-что сделать. Колонию бомбили. Город под энергетическим колпаком. Я тут кое-что прикинул... В камере неплохо думается, знаешь... У тебя найдется листок бумаги?... Вот, смотри... Интенсивность энергии, выделяемой колонией, целиком зависит от внешнего воздействия. Это я установил на тех последних пробах, которые мы с тобой добыли со дна залива. А дальше получается вот что...

— Вы хотите сказать, что разрастание поля — это естественная защитная реакция на бомбардировку, которой их подвергли? И не было с их стороны никаких целенаправленных действий?

— В том-то и дело... Но это еще не все. Отсюда следует, что, как только продукты, вызвавшие защитную реакцию, будут переработаны, поле исчезнет, исчезнет само собой, без всяких усилий с нашей стороны. Но это не все... Отсюда неизбежно следует, что полем можно управлять! Если на колонию в определенном месте и с определенной интенсивностью воздействовать — поле может изменить конфигурацию, расширить свои границы...

Несколько минут Гвельтов молчал, осмысливая сказанное.

— Это дает нам шанс... Реальный шанс. Но одному мне не справиться...

— Мы вместе начинали эту работу, шеф, — сказал Гвельтов, — вместе и доведем ее до конца.

Стена возле дивана исчезла, как в том, самом первом, сне. За ней по-прежнему ворочалось что-то огромное и живое с темными точками огней в глубине. Не было только Весты. Лишь голос, ее голос, шел из этой открывшейся передо мной непроницаемой черной бездны.

— Ты спишь, милый? Можно я немного побуду с тобой?

— Я не вижу тебя! Где ты?

— Меня нельзя увидеть, но я здесь, с тобой. Ты все время думаешь обо мне, и вот я пришла...

— Я хочу тебя видеть.

Ответом мне было молчание, только огни мерцали в темной глубине, как яркие южные звезды.

Заседание чрезвычайного правительственного комитета открыл сам премьер-министр.

— Я должен сообщить, что нашей стране предъявлено нечто вроде ультиматума. От нас требуют совершенно определенных действий, изложенных вот в этом документе. Нам предлагают уменьшить промышленные отходы на шестьдесят процентов. Это потребует больших капиталовложений и некоторого замедления в развитии нашей экономики. Как следствие этого неизбежна инфляция, возможна даже биржевая паника. Нам следует разработать меры, способные ослабить эти нежелательные явления...

— Вы говорите так, словно ультиматум уже принят. — Министр обороны прервал выступление премьера, но в своем кругу это допускалось. В комитет входили пять человек, в руках которых была сосредоточена вся фактическая власть в стране.

— От кого, собственно, исходит требование? Неужели эта портовая медуза научилась писать ультиматумы? — спросил высокий элегантный человек с глубокими залысинами на покотом лбу. В правительстве он не занимал официального поста. Тем не менее именно от него премьер-министр ожидал самых больших неприятностей. Лей-Дин представлял здесь совет директоров крупнейшего концерна, негласно контролирующего всю промышленность.

— Нет, ультиматум еще не принят. Но, я полагаю, его придется принять. Требования вполне конкретны, и исходят они от определенного лица, которому поручено вести переговоры с нами. Нам предлагают заключить договор, согласно которому при сокращении промышленных отходов энергетическая блокада с побережья будет снята.

— Нельзя ли подробнее узнать о человеке, представляющем интересы противоположной стороны? Кто он? — Этот вопрос задал министр национальной безопасности. Вряд ли он теперь простит, что узнал новость не первым и что нашлись люди, осмелившиеся действовать через его голову.

— Этот человек находится сейчас здесь, и вы можете позна-

комиться с ним. Вот его досье. Это некий Лонгаров, провинциальный ученый, до сих пор ничем особенным не выделявшийся. Почему представителем избрали именно его, осталось загадкой.

— А где гарантии, что этот человек действительно кого-то там представляет? Что, если он попросту сумасшедший или, хуже того, защищает интересы третьих, неизвестных нам лиц?

— Основания, изложенные в этом документе, показали мне достаточно серьезными сами по себе, независимо от того, кто кого представляет.

За столом заговорили все разом, но Лей-Дин легким движением ладони добился тишины, и все взгляды устремились к нему.

— Я бы не согласился на эту встречу без предварительной подготовки. Лонгаров действительно провинциальный ученый, за которым до сих пор ничего, буквально ничего не замечено интересного или выдающегося. Тем не менее с самого начала этих событий он почему-то все время оказывался в их центре. Уже только по этому было бы любопытно его выслушать. Лонгаров должен понимать, какую крупную игру он затеял и чем она может кончиться для него лично. У него должны быть очень серьезные причины, либо он должен располагать реальной силой, чтобы выдвигать нам условия в такой форме. В любом случае, я думаю, мы не потеряем времени даром, если пригласим его.

В комнате, где заседал правительственный комитет, пахло старой мебелью и пылью. Пять человек одновременно повернули головы в мою сторону, как только я переступил порог. Они рассматривали меня холодно и отстраненно. Так рассматривают какого-нибудь редкостного жука, прежде чем насадить его на иголку.

— Ваша фамилия и род занятий?

Начало беседы слишком походило на допрос. Я понял, что положение надо исправлять немедленно.

— Не сомневайтесь: моя фамилия вам известна... Распорядитесь принести стул.

Человек, задавший вопрос, надавил кнопку вызова дежурного. Попросил принести стул и повторил вопрос, не меняя интонации, словно ничего не случилось. Остальные четверо молча переглянулись, словно я подтвердил их наихудшие опасения.

— Вы отдаете себе отчет, где находитесь? Чем вы докажете, что именно вам поручено вести переговоры?

Я подождал, пока принесут стул, уселся поудобней и украдкой взглянул на часы. Меня вызвали слишком быстро, и теперь я вынужден был тянуть время. Для того чтобы мои доказательства показали им достаточно убедительными, мне еще нужно спровоцировать их на какой-нибудь резкий выпад. Только тогда все будет выглядеть достаточно естественно. Если они догадаются, что все подготовлено заранее, — мне несдобровать.

— Конечно, у меня нет верительных грамот, но доказательства я представляю.

— Что вы имеете в виду?

— Чего вы, собственно, хотите? Чтобы я продемонстрировал свою прямую связь с этим подводным монстром, которого вызвала к жизни ваша же неумная жадность? Давайте говорить откровенно. Позволим себе это небольшое удовольствие. Вам понятен один-единственный язык, язык силы, и, значит, я должен продемонстрировать свои возможности, не так ли? Или, может быть, вы имеете в виду какие-то иные доказательства?

— Я хотел бы знать совершенно конкретно, — обратился ко мне этот человек, с залысинами на покато лбу, — чем вы подкрепляете свои требования? — Он приподнял и опустил лежащий на столе листок с проектом закона об ограничении промышленных отходов. — Предположим, сегодня мы откажемся их принять, что за этим последует?

Огромные старинные часы в углу комнаты мелодично пробили четверть пятого. Теперь я мог действовать, и если Гвельтов не подведет... Наверно, так себя чувствует человек, решившийся прыгнуть в ледяную воду.

— Через пятнадцать минут границы поля будут раздвинуты. Это простое предупреждение, те самые верительные грамоты... В том случае, если этого окажется недостаточно и предложенный закон не будет принят в течение трех дней, энергии лишится вся страна.

Ни один мускул не дрогнул на лицах сидящих напротив меня людей. Что-то было не так. Что-то не сработало, чего-то мы не учли или случилось нечто такое, чего я не знал. Ледяной холод медленно сжал мне горло. Пятнадцать минут прошли в убийственном молчании. Часы монотонно, громко и печально отбили две четверти. Срок наступил... Наверно, так звонит погребальный колокол. Я понял, что проиграл. Все поставил на карту и проиграл... Я еще не знал, что случилось, но уже не сомневался в своем окончательном поражении. Они ждали еще пять минут, потом в комнату вошел секретарь и положил на стол какую-то бумагу. Все остальное я воспринимал сквозь ледяной туман.

— Ваш сообщник Гвельтов арестован морским патрулем. Провокация, которую вы затеяли, провалилась.

Подвал был сухой и чистый. Это я успел заметить, прежде чем мне завязали глаза. Мысли текли лениво, словно все происходило не со мной.

В полной тишине за моей спиной сухо щелкнули затворы винтовок, и только. Тогда я позволил себе вспомнить ее имя. До этого мгновения я приказывал себе не думать о ней, потому что боялся потерять контроль над собой и не хотел, чтобы они видели мой страх. Но теперь я тихо, вслух произнес дорожное для меня имя:

— Веста...

И в ту же секунду в подвале погас свет. Я услышал топот ног на лестнице, какие-то крики. Значит, их, моих судей и палачей, тоже ни на секунду не отпускал ледяной страх. Значит, мы все-таки сыграли на равных...

Машина остановилась у развилки шоссе. Именно здесь начиналась памятная заброшенная дорога к морю. Недавно тут стоял знак, запрещающий въезд. Посреди дороги еще торчал ржавый металлический треножник. Как только мотор затих, стал слышен равномерный шум прибора.

— Штормит, — сказал Гвельтов. — Балла два, не меньше.

Я не ответил. И он, помолчав немного, продолжал:

— А знаешь, по моим расчетам, это случится сегодня, где-то около восьми.

Я молча кивнул, соглашаясь. Я знал, что он имеет в виду. Сегодня около восьми вечера концентрация вредных примесей в морской воде достигнет установленного в наших опытах минимума, при котором колония уже не будет существовать как единое целое. Она распадется на отдельные бактерии, и морские течения понесут микроскопические тельца амёб в глубины океана, туда, откуда они пришли к нам.

— Не могу понять, что произошло. Патруль перехватил меня до того, как я сел в лодку... Газеты писали, что поле накрыло гидростанцию в шесть пятнадцать. Это случилось на полчаса позже, без нашего вмешательства. Почему это случилось? Кто нам помог?..

Я отрицательно покачал головой. Не имело смысла с ним спорить. Гвельтов свято верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов границам поля. В безусловную зависимость этих границ от количества вредных примесей, попавших в воду. Все это так, конечно. До известного предела, за которым начинают действовать иные силы...

— Все-таки я чего-то не понимаю, — заявил Гвельтов, вылезая из машины.

Наши пути здесь разошлись. Он торопился на рейсовый автобус, идущий в порт, но задержался около меня еще минуту.

— Почему меня отпустили, почему вообще нас оставили в покое, хоть это ты мне можешь объяснить?

— Договор, который они вынуждены были подписать, содержит пункт о нашей неприкосновенности. Пока существует угроза — они будут его соблюдать, во всяком случае, до восьми вечера.

Гвельтов мрачно усмехнулся, пожал мне руку и пошел к автобусной остановке. Некоторое время, оставшись один, я смотрел вслед ушедшему автобусу. Потом вышел из машины и свернул на заброшенную дорогу.

Стояли редкие в октябре дни, наполненные звенящей прохладой и ласковым, почти летним солнцем. Оно словно вознаграждало нас за долгие дни непогоды. Я шел по дороге не торопясь, вдыхая запах увядшей полыни и морских водорослей, что-то он мне напоминал, этот запах. Сейчас я не мог вспомнить, что именно, может быть, мне не хватало дождя.

В тот день шел дождь, и я подумал, что он влияет на поступки людей. Заставляет принимать неожиданные решения. Именно дождь привел меня на эту дорогу. Сегодня дождя не было, но вот я здесь снова. Хотел ли я проститься? Не знаю...

Не знаю даже, с кем именно. С Вестой я уже простился той ночью, когда морское течение навсегда унесло ее от меня, а с ними... Они были чем-то слишком сложным, может быть, гораздо более сложным, чем это казалось, и слишком далеким от нас. Поняли ли они хоть что-нибудь? Зачем они приходили к нам и почему теперь уходят?

Это был тот самый обрыв. Совершенно прозрачный воздух открывал с высоты безбрежную синюю даль. Ветер гнал небольшие барашки волн, срывал с них солоноватый острый запах морской воды и пены и нес его по степи.

Я спустился вниз, к самому морю. Горизонт сузился и словно прижался к поверхности моря. Волны с шипением ложились у моих ног.

Должен был быть какой-то знак. Не могли они уйти вот так, молча, ничего не сказав, оставив нас в неизвестности и непрерывном ожидании. Сейчас морские течения каждую секунду уносили из бухты в глубины моря последние миллионы их крошечных уснувших тел. Надолго ли? И что случится, если они придут снова? Поверили ли они нам? Смогут ли спокойно спать в своей глубине, оставив в руках человечества нашу прекрасную голубую планету? Или это всего лишь временное отступление, перегруппировка сил?..

Ответ должен был быть где-то здесь. Я это чувствовал, знал, что это так, и ничего не видел, кроме привычного морского пейзажа... Я пошел вдоль берега, все дальше и дальше удаляясь от оврага, по стенке которого не так давно поднимался навстречу наведенным на меня автоматам. За поворотом был грот, причудливая пещера с озером морской воды. Я дошел до самого озера, заглянул в его прозрачную изумрудную глубину. Все было пусто и тихо. Я повернулся и побрел обратно наверх. Ответа не было. Возможно, мы не получим его никогда, потому что он зависел от нас самих.

